ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР
Год издания 35-й

28 мая 1963 г., вторник
№ 63 (4650) Цена 4 коп.

НАВСТРЕЧУ ПЛЕНУМУ ЦК КПСС

Сегодня мы публикуем статьи:

- **М. ИБРАГИМОВ** — Воспеть героя современности.
- **К. ЗЕЛИНСКИЙ** — Писатель, человек, общество.
- **Т. ТИМОФЕЕВ** — Разоблаченная утопия о «синтезе» идеологий.

ОКРЫЛЕННОСТЬ

Мирза ИБРАГИМОВ

МНОГОНАЦИОНАЛЬНАЯ советская литература вступила сейчас в один из самых интересных, плодотворных этапов своего развития. На исторических встречах руководителей партии и правительства с деятелями творческой интеллигенции в речи Н. С. Хрущева, в выступлениях Л. Ф. Ильичева говорилось о множестве важнейших проблем.

Сейчас читатель реагирует на литературу, как никогда, серьезно, откровенно, «оперативно» и самостоятельно. Мне приходилось в последнее время довольно часто встречаться с работниками и посетителями азербайджанских библиотек, и я убедился в зрелости суждений, в необычайной духовной жажде, постоянном внимании к новинкам литературы у наших читателей. И, естественно, главный читательский интерес, как и интерес критиков, как и интерес самих писателей, сосредоточен на **герое** современных книг, его поступках, его идеалах, его образе мысли.

...СВЕЖИЙ, сильный ветер вздымает волны, разрывает тучи, они сталкиваются — яркая вспышка, а затем удар грома. Бодростью, свежестью, радостью борьбы наполняет душу такая картина. А вот другой пейзаж: словно застыло море, налилось усталым свинцом, замер где-то, будто обленившись, ветер, и внутри пелены облаков потрескивают невидимые, тоже будто обленившиеся, разряды,— гроза в стороне. Ничто не взволнует в этой картине твоего сердца, — сумрачно и тоскливо ему...

Вот так и с героями. Одни врываются в душу читателя, волнуют ее до самых глубин, несут яркий свет могучей мысли-молнии, отзвук большой, настоящей борьбы. Другие словно зарылись в пелену серых облаков, скучны, малозначительны; «электричество» жизни, ее могучее дыхание остаются где-то в стороне от того, что изобразил писатель, а изобразил он людей малокровных, худосочных, неинтересных.

Читатель любит **героя активного, крупного, цельного.** Любит героя, живущего на главном направлении нашей жизни, выражающего своей борьбой подлинно великую борьбу за идеалы коммунизма, ее историческое значение и размах. Но как часто еще мы преподносим ему нечто иное, как часто меряем мы своих персонажей масштабами микроскопическими. Да еще оправдываемся при этом в одних случаях тем, что мы якобы боремся за «углубленный психологизм», в других — тем, что якобы большого героя можно показать только в большом, тома этак на три-четыре, романе, а нас тянет к «малым формам», к «этюдам», «новеллам». Неосновательные оправдания! Психологическая глубина Льва Толстого даже в произведениях малых форм не мешала, а способствовала созданию великих обобщающих образов — типов, вобравших в себя народ, время, эпоху. А какой потрясающий образ человека из народа создал Горький в коротком рассказе «Челкаш», или Мамедкулизаде — в рассказе «Почтовый ящик», или Х. Абовян — в «Девушке-тюрчанке»!

Вопрос, значит, не в том или ином жанре, а в другом — в стремлении к полнокровному образу человека сильного, яркого, воодушевленного большими идеалами современности.

Пусть каждый писатель создает такой образ по-своему — в эпически широкой, или романтически «условной» манере, или углубленно-психологически, но пусть каждый стремится к герою именно таких жизненных масштабов...

Радостно, что среди произведений азербайджанских советских писателей о сегодняшних днях немало таких, что созвучны нашему времени. Я вижу среди них очень разные по индивидуальной авторской манере произведения: и остросюжетную пьесу «Огонь» Мехти Гусейна; и лирическую поэму Р. Рзы «День секретаря райкома», где через эмоциональную «хронику» мыслей и чувств героя передаются напряженность, многообразие и величие наших так называемых «будней»; и написанные со свежим чувством новизны «акварельные» вещи Г. Сеидбейли; и повести И. Эфендиева, И. Гусейнова, Б. Байрамова; и публицистически острые, лирические стихи С. Рустама, О. Сарыбелли, Н. Хазри...

Немало хорошего сделано. Но я далек от излишнего восторга. И вообще не претендую здесь на обзор. Цель моей статьи: поговорить о **разных тенденциях** изображения нашего современника на примерах близкой мне азербайджанской литературы...

Да, и у нас тенденция приземленности, обескрыливающего «бытовизма» существует. Она проявилась в справедливо раскритикованном стихотворении Г. Имамвердиева «Трамвай идет по городу», где герои — юноша и девушка — утомительно, скучно спорят о том, уехать им из города или нет, повысят им зарплату в трамвайном парке или нет. Не будем хаижами, зарплата очень серьезный вопрос для каждого человека, но как неубедительно, как скучно возражает юноша своей недалекой, по-мещански ограниченной любимой, как старчески узок и мелок мир не только ее, но и его интересов. А ведь юноша, по мнению поэта, сегодняшний положительный герой!

Недавно я прочитал в журнале «Азербайджан» новый рассказ М. Ализаде «Я ее любил». О чем этот рассказ, что в нем происходит? Мелкая семейная неурядица. Две мещанки, жена и теща, плохая копия отрицательных женских персонажей из пьес и рассказов дореволюционных писателей, «заедают» жизнь молодого человека, передового нефтяника, стремятся подчинить его своей морали. Жена хочет заставить мужа выгнать родную мать из дома. А муж ахает, охает, терзается и ничего не может предпринять. Какую мысль несет этот якобы антимещанский рассказ? Какие чувства могут пробудить его герои-«непротивленцы»?

Никто не возражает против семейной темы. Вопросы морального воспитания людей охватывают, конечно, и эту сторону жизни человека. Но надо же быть и здесь реалистом. Если уж взялся обличать современную мещанку, то не делай этого за счет принижения хорошего человека. И еще: куда более, чем «злые тещи», опасны для нас феодально-байские предрассудки и пережитки в отношении к женщине!

Может быть, автор «подсмотрел» в жизни именно такую историю? Но литература не копировщица отдельных фактов и фактиков. Между образом и прототипом стоит художник. Он не придумывает, не конструирует «идеального» героя (как получается, к слову, в ценной своим пафосом, но, что справедливо было затем отмечено, во многом все же схематизирующей статье А. Протопоповой, см. «Литературную газету» от 4 апреля 1963 года). **Окрыленный герой, служащий идеалу всем богатством своей души,** — это не «лакировка», это реальность нашей жизни, это Власовы, Левинсоны, Корчагины наших дней. Художник должен увидеть их, должен быть страстным, вдохновенным борцом за новое. А натуралист слеп и бойцом не станет.

СТОЯТЬ на позициях социалистического реализма — значит видеть новое, прогрессивное в жизни и душах людей, радоваться этому хорошему, положительному, бороться за его утверждение и развитие. Воссоздать средствами искусства борьбу нового со старым, победу нового над старым, как бы порой трудна на том или другом участке жизни и человеческой души эта победа ни была, — это и значит в наших условиях быть подлинным реалистом.

Кое-кто из молодых понимает новизну чисто формально. «Буду писать по-современному, с подтекстом, как Ремарк», — решают они. Но пиши «подтекстом» или «текстом» — новатором не будешь, если не раскроешь внутренний мир своего героя, если не расскажешь о том, чем этот герой живет, о чем думает, к чему стремится, как растет и мужает. В правдивом изображении вижу я удачу внутреннего становления героя повести «Телеграмма» И. Гусейнова.

Борьба молодого журналиста Зелимхана против старых привычек обитателей патриархального «лесного гнезда», откуда он вышел, борьба настойчивая и победная, потому что старый Манлов, несмотря на свое упрямство и отцовское самолюбие, признает правоту своего сына, — эта борьба закаляет и растит самого юношу. Автор разглядел здесь процесс **общественного возмужания** нашей молодежи.

Чуткость к новому вырабатывается не легко, не просто. Я с интересом слежу за творчеством талантливого писателя В. Тендрякова. Содержательна, заставляет по-зрелому, по-серьезному думать о многих проблемах жизни его повесть «Короткое замыкание». И мне, как и другим, обидно за то, с какой незрелостью написана им и К. Икрамовым пьеса «Белый флаг». Вот уж поистине ничего нового не добавили авторы к нашей поверхностной литературе о наших «сердитых мальчиках». Не удовлетворяет меня и новая повесть И. Гусейнова «Призрак», недавно напечатанная в журнале «Азербайджан», — тут немало искусственного, образы героев измельчали...

Жизнь меняется, прогрессирует очень быстро. Потому и чуткость к новому — качество тоже движущееся, оно должно свидетельствовать о постоянном **идейном** развитии литератора.

Я вспоминаю Севиль, героиню прекрасной пьесы Джафара Джабарлы. Такого образа, такого сюжета в азербайджанской литературе до него не было и быть не могло: малограмотная, по-старому застенчивая женщина, но человек большого сердца, ума и совести, в результате упорной борьбы за свои права стала общественным деятелем.

НАШ положительный герой живет всем богатством своей души. Он человек страстный, волевой, обаятельный; он весь в движении мыслей, чувств, дел. Он борется, и бывает, что ошибается.

Делает промахи — и не раз — шолоховский Давыдов. Через трудные научные и житейские испытания проходит герой Гранина ученый Крылов («Иду на грозу»). Неправильно поступил герой нового романа Вилиса Лациса «После ненастья». И Зелимхан у И. Гусейнова ошибается — сначала слишком горячо, невыдержанно хлопает он дверью отчего дома, увидев, какая нечестность царит в нем...

Но почему в сердце читателя нет возмущения этими «срывами»?

Есть ошибки и «ошибки». Одни определяются хорошими, добрыми побуждениями, они соответствуют характеру положительных героев и — главное — ни в коей мере не являются чем-то принципиально противоположным тем идеалам, которыми посвящают себя наши герои. Жизнь учит их исправлять промахи неопытности, горячности, недостатка культуры.

Но есть другого рода ошибки — те, которые перечеркивают все хорошее, что сказал о своих положительных персонажах автор, ошибки, которые находятся в вопиющем несогласии с тем, как они задуманы.

И тогда возникает одно из двух объяснений... Или автор сам как следует не разобрался в том, кто же перед ним — «положительный» или «отрицательный» характер, и сумятицу своих мыслей поспешил выложить на бумагу. Так получилось, например, в поэме «Каменный забор», принадлежащий перу талантливого поэта А. Кюрчайлы, во многих стихах которого мы видим с большой любовью воспетый образ нашего современника. В поэме же «Каменный забор» происходит целая серия человеческих ошибок, но действия героев художественно не мотивированы, и доброе желание автора создать психологически углубленное произведение подменено мелодраматическим сюжетом о «любви» седого ученого, пострадавшего в годы культа личности, к своей студентке, вышедшей за него замуж... из жалости.

Или второе объяснение: автор поддается ложной и все еще не исчезнувшей моде на «червоточинку». Чтобы «посложней» вышло. Вдруг не поверят в героя, дай-ка я ему одну-две «измены» устрою или награжу какой-нибудь невероятной любовью к рок-н-роллу. А читатель-то не верит именно в эту искусственную, придуманную «червоточинку», он ждет от писателя другого — **правды характера,** чистой, благородной **правды о человеке, с которого хочется брать пример.**

«В преодолении трудностей формировался характер советского человека, человека нового общества, борца за революционное преобразование мира. Высокая ленинская идейность, непреклонная воля, решимость на самопожертвование во имя торжества коммунистических идеалов — замечательные черты облика поколений советских людей, воспитанных Коммунистической партией» (Н. С. Хрущев).

Нет большей радости для писателя — воссоздать, ярко, вдохновенно, многообразно, облик таких людей!

БАКУ

Москва и Гавана — рядом!

Итоги дружественного визита в Советский Союз вождя кубинской революции товарища Фиделя Кастро широко комментируются мировой печатью. Все, кто борется за мир и прогресс, с огромным удовлетворением встретили Совместное советско-кубинское заявление. С особой радостью узнали об этом документе на острове Свободы. Кубинский народ с энтузиазмом воспринял весть о предстоящем визите на Кубу товарища Н. С. Хрущева.

Сегодня мы публикуем снимки, сделанные на Кубе в первые дни победы революции, и воспоминания очевидца исторических событий В. Чичкова.

Я помню Гавану в январе 1959 года, когда «бородачи» только-только вступили в город. Столица Кубы ликовала. На каждом перекрестке возникали митинги.

В те дни радио и газеты Запада на все лады кричали, что Фидель — узурпатор, что народ не поддерживает его. Бывшие хозяева Кубы хотели посеять рознь среди народа. Народ ответил на это по-своему. В Гаване собралось полтора миллиона человек — шестая часть населения страны, — чтобы выразить поддержку правительству Фиделя Кастро.

— Я обращаюсь к вам, кубинцы, собравшиеся на этой площади, — сказал Фидель на митинге, — если вы согласны с политикой нового правительства, поднимите руки.

Над площадью, над улицами, над крышами домов поднялся лес рук. Вы видите это на снимке, сделанном во время митинга. Многие скандировали:

— Мы с тобой, Фидель! Мы с тобой, Фидель!

— Видите, дипломаты и журналисты, — снова неслись в микрофон слова Фиделя, — больше миллиона кубинцев разных убеждений и взглядов голосовали «за». Это нужно уважать.

В те дни Фидель пригласил в Гавану четыреста корреспондентов из разных стран. Для нас был отведен двадцатиэтажный отель «Ривьера», над входом в который висел лозунг: «Журналисты, этот отель — ваш дом. Здесь за вас платит Фидель. Пишите честно!»

Однажды Фидель приехал в «наш дом» и устроил пресс-конференцию. Она продолжалась пять часов. На фотографии вы видите Фиделя, выступающего на пресс-конференции.

Главу кубинских повстанцев атаковали американские журналисты.

— Ваше правительство выиграло войну, — кричали они из зала, — но многие в Соединенных Штатах опасаются, что вы проиграете мир.

— Я не вижу причин, — твердо сказал тогда Фидель, — из-за которых можно бояться, что мы проиграем мир.

Я перебираю фотографии, записи в блокноте. Вот этих женщин с портретами сыновей, расстрелянных батистовской охранкой, я сфотографировал в зале заседания военного трибунала. Здесь рассматривались дела преступников, уничтожавших кубинских патриотов. Матери погибших требовали смертного приговора убийцам...

Когда повстанцы вступили в Гавану, всем журналистам хотелось встретиться с Фиделем, но сделать это было трудно. Американский корреспондент Джон Орурке писал в те дни: «Добиться личной встречи с руководителем повстанцев Фиделем Кастро намного труднее, чем с римским папой. Но это объясняется не тем, что Кастро чуждается людей или не хочет никого принимать. Беда в том, что он любит поговорить и беседует всегда не меньше часа, даже если его ожидают восемьдесят человек. В сутках только двадцать четыре часа, и в виде исключения он должен хотя бы три часа отводить сну».

Все-таки я побывал у Фиделя. Я встретился с ним в военной крепости «Ла Кабанья». И сегодня мне вспоминаются слова, произнесенные тогда Фиделем: «Далеко тебя судьба занесла».

Действительно, тогда казалось, что Москва очень далеко от Гаваны. Но мы живем в удивительное время. Большие расстояния становятся малыми, судьбы малых народов становятся большими. И поэтому сегодня Москва и Гавана стоят рядом.

Василий ЧИЧКОВ

СОВЕТСКИМ ПОГРАНИЧНЫМ ВОЙСКАМ — 45 ЛЕТ

Неутихающий бой

Я. ОСТРОВСКИЙ

На одной из тихих улиц в центре Москвы помещается Музей пограничных войск. В его экспозиции вы можете увидеть множество хитроумнейших приспособлений, устройств, инструментов, механизмов, аппаратов: почти микроскопическую булавку с ядом и большой контейнер, забрасываемый с помощью воздушного шара; миниатюрные фотоаппараты и бесшумные пистолеты; деревянные колодки в форме кабаньих лап, призванные сбить с толку наших следопытов, и пластмассового медвежонка, из чрева которого были извлечены далеко не безобидные «игрушки».

Прежде чем занять свое место в музее, предметы эти проделали порой очень длинный и сложный путь, от строжайше засекреченных зарубежных предприятий до советской государственной границы. Здесь их неизменно обезвреживали. И делали это воины-чекисты, наши славные пограничники.

По книгам, фильмам, картинам, радио- и телевизионным передачам советские люди довольно хорошо знают о трудной службе, которую днем и ночью, в любую погоду несут часовые наших рубежей. Их повседневная борьба с агентурой иностранных разведок имеет один чрезвычайно важный аспект, который мало известен широким массам читателей и зрителей. Речь идет о борьбе идеологической, ожесточенной битве, не утихающей ни на один день, ни на один час. В ней активно участвуют наши пограничники.

Контейнер, выставленный в Музее пограничных войск, не был оснащен ни отравляющими веществами, ни термитным зарядом, ни взрывчаткой. Его назначение — распространять яд враждебной нам идеологии.

Каким образом?

С помощью листовок, столь же лживых, сколь и злобных, которые контейнер принес на своем борту.

Попытки империалистических разведок совершать против нас идеологические диверсии отличают исключительная настойчивость и упорство. Здесь особенно проявляются беззастенчивость, изменная изворотливость — все то, что выражает волчью сущность принципа: «В борьбе все средства хороши».

Примерами, жизненными фактами, подтверждающими это, насыщена боевая история почти любого подразделения наших пограничников. Приведу лишь несколько эпизодов из деятельности пограничников одного контрольно-пропускного пункта.

Несколько дней назад безоблачным солнечным утром «Трансильвания» — превосходный румынский лайнер — ошвартовалась у одного из причалов Одесского порта. В нескольких метрах позади стояла пришедшая накануне, меньшая по размерам, но такая же белоснежная и тоже изящных архитектурных форм «Стелла поларис» («Полярная звезда»), судно под шведским флагом, занятое тем же делом, что и «Трансильвания», — перевозкой туристов. В тот ясный великолепный день, как рассказывают, Одесса гостеприимно приняла до полутора тысяч зарубежных гостей. В порту и на улицах города звучали английский, польский, немецкий, шведский, румынский языки. В разноязычном хоре, как всегда, преобладало дружелюбие и доброжелательство. Гости с большим интересом осматривали город-герой.

Но, к сожалению, не всегда так происходит, как это было с пассажирами этих двух судов. Бывает и иное... Прибывшая из одного недальнего государства пожилая женщина С. К. не вызывала никаких подозрений. Но показалось странным, что аккуратный ящик с личными вещами был как-то непомерно тяжел. Даму попросили открыть его, и она охотно согласилась. Действительно, он был набит предметами женского туалета. Когда же их вынули, оказалось, что вес багажа лишь чуть-чуть убавился. Загадка разрешилась весьма просто: под первым дном ящика оказалось второе, а все пространство между ними было заполнено 70 книгами и 83 листовками. Надо ли говорить о характере всей этой печатной продукции! Каждому ясно, какого рода литература перевозится в тайниках.

Зловещий контейнер, экспонирующийся в московском музее, имеет на каждом из своих бортов клеймо самой злобной антисоветской организации, являющейся попросту ячейкой одной из крупнейших иностранных разведок. Эта организация выполняет, наряду со шпионскими актами, идеологические диверсии — издает и распространяет всевозможные антисоветские газетенки, брошюрки, листовки, стараясь любым путем довести свою «продукцию» до советского читателя. Не так давно пограничники, осматривая прибывшее из-за границы судно, изъяли у некоего Г. несколько брошюр, журналов и газет антисоветского характера, изготовленных в недрах именно этой организации.

...Казалось, что газета — точная копия одного из самых популярных советских изданий: название, первополосная фотография, заголовок над подборкой. Но едва начав ее читать, вы тут же убеждались, что в руках у вас обыкновенная фальшивка.

Не всегда идейно-политические налеты носят подобный характер. Весьма распространенный прием — завоз изданий, не являющихся прямо враждебными, но в которых антисоветская или антисоциалистическая идейка, фотоснимок, анекдотец, рисунок, статья упрятаны на какую-нибудь 27-ю или 39-ю страницу. Иногда без умысла, а порой и преднамеренно ввозятся в нашу страну ярко раскрашенные журналы, рекламные проспекты, различные альбомы, содержащие более или менее старательно замаскированные выпады против нашей страны, или материалы, в которых беспардонно превозносится чуждый нам образ жизни. Изготовители этих изданий, по-видимому, отдают себе отчет в том, что лобовые идеологические атаки едва ли могут иметь хоть малейший успех. Вот и приходится прибегать к подобного рода обходным маневрам, вкрапливать среди ряда абсолютно «нейтральных» материалов какое-нибудь очередное измышление о нашей стране, идущее из якобы достоверных источников. И невдомек этим «изобретателям», что давно и безнадежно устарел их прием, что наши пограничники очень быстро и безошибочно его распознают.

Злоупотребляя нашим принципом свободы совести, некоторые чрезмерно ретивые поборники той или иной религии стараются наводнить нашу страну молитвенниками, предметами религиозных культов.

Прибывшая в Советский Союз на свидание с родственниками некая С. Е. «захватила» с собой 19 церковных календарей. Пришлось ей временно — до возвращения домой — сдать 18 из них на хранение, а потом увезти обратно.

Любые пути, малейшие возможности используют наши идейные противники, чтобы направить в СССР мутный поток своей идеологии. Но наши пограничники при активной поддержке советских людей разоружают идеологических диверсантов, разоблачают все их уловки. Идеологическая борьба будет успешнее, если каждый советский человек проникнется пониманием того, о чем совсем недавно, на мартовской встрече с творческой интеллигенцией, вновь напомнил Н. С. Хрущев, сказав: «Если наши силы растут, то и враг не дремлет. Он в страхе перед растущей силой социализма злобно точит свое оружие против стран социализма, для войны, которую он готовит. Враги коммунизма возлагают надежды на идеологические диверсии в социалистических странах. Всегда помните об этом, товарищи, и свое оружие держите в полной исправности, готовым к бою».

Высокая коммунистическая сознательность советских людей, их бдительность по отношению к любым проискам наших идейных противников — могучий и непреодолимый барьер для буржуазной идеологии.

УЧУСЬ У ТОВАРИЩЕЙ

Корнелий ЗЕЛИНСКИЙ

ЕСТЬ писатели, новые книги или публицистические выступления которых всегда приковывают к себе внимание. К их числу принадлежит Константин Федин. Такие писатели серьезно работают в литературе. С чувством ответственности. Их труд всегда добавляет нечто новое к художественному исследованию жизни. Я давно привык смотреть на литературу, как на дело в известной мере коллективное. Правда, коллективное по-иному, чем в науке.

В науке с каждым годом все отчетливей обозначается тот факт, что ученый может проявить себя только в коллективе и через связь с коллективной работой. Научные открытия, так сказать, «зачеркивают» предшествующую гипотезу или делают ее частным случаем общего. Эйнштейновская теория света отменила декартовскую теорию эфира. Эфир остался поэтам.

Новое открытие в искусстве не отменяет открытий предыдущих, так же как Маяковский не «отменяет» Пушкина. Жизнь не «отменяет» жизнь, но старое входит в новое существование уже в преображенном виде.

Последний роман Константина Федина «Костер» я прочитал дважды. Первый раз глотал помногу. Так уж, «по необходимости», привык читать книги быстро, страницами, стремясь сразу схватить их суть... И вот когда я в первый раз прочитал «Костер», он мне, по правде говоря, не понравился. Внимание зацепилось за некоторые выражения, с которыми мои вкусы не соглашались. Например: «Противоречить-то... не так уж бойко у нас изживаются». Не то определение, в нем слышится иронический оттенок. Или: «издевчивое радушие». Почему «издевчивое» вместо «издевательское»? Показалось неоправданным.

Но затем я поймал себя на том, что отдельные языковые шероховатости, за которые зацепилось внимание при суммарном подходе, исказили смысл, перспективу романа. Чтобы понять подобное произведение, чтобы взять от него всю полноту мыслей, вложенных автором, надо читать его медленно, очень внимательно, с той неторопливостью, с какой сам автор создавал свое произведение. И когда я именно так вторично прочитал «Костер», мне открылись в нем глубина, принципиальная сторона, которых я не заметил при беглом чтении.

Художественное исследование людей разных классов и социальных слоев, исследование современной эпохи, предпринятое Константином Фединым в трилогии («Первые радости», «Необыкновенное лето», «Костер»), апеллирует к неторопливости. Читателя захватывает не стремительное развитие сюжета, не быстрая смена исторических сцен и лиц. Нет, нас приглашают разделить вместе с автором добросовестнейшие раздумья о взаимоотношениях человека и времени.

Итак, медленное чтение. Но его предметом могут быть в литературе совсем не сходные вещи. Один писатель ползет от предмета к предмету, как муравей от травинки до травинки, длинно и эмпирично. Другой наполняет свои описания грудами пафоса и интеллектуальных ассоциаций. Читаешь Бальзака, и кажется, стол ломится от яств. Третий одними лишь интонациями диалогов дает понять, о чем он пишет, что его волнует, — то ли тема отчаяния, то ли этические поиски и т. д.

Все требует медленного чтения. Но монотонная описательность вызывает такое же раздражение, как добросовестность хозяйственника, который прибивает номерки к полированной мебели. Писатель, который стремится описать все и вся, трудится, как муравей. Но его труд может нагнать скуку. Мысль, интеллектуальность — вот что должно оправдывать претензию писателя на то, чтобы его читали медленно и «со вкусом». Определенность эпитета, глубина подтекста, точность в выборе слов, идеи, характеры могут примирить читателя с тем, что писатель требует от него внимания и времени: «Читай меня очень медленно и внимательно, думай над каждой фразой, потому что я тоже думал над каждой фразой, а не просто описывал подряд все, что придет в голову». К. Федин завоевал право на неторопливое раздумье над текстом его художественных произведений.

Но тут встает такой вопрос: а не приходит ли стиль размышляющего и к тому же многотомного повествования в противоречие с темпом современного исторического развития? Современный читатель захвачен бегом времени. Где ему одолевать толстые романы? А тут телевизоры услужливо дают выжимку главного обо всем.

О том, что жизнь так убыстрилась, что поистине стала «убегать» из наших глаз, еще более

(Окончание на 3-й стр.)

В РЕДАКЦИЮ Литературной газеты

«Сервис» по телефону

КОГДА вас обслуживают вежливые, внимательные продавцы,— это сервис. Когда вам заботливо привозят на дом мебель или сообщают, что в ближайшем кинотеатре есть билеты на новый фильм, — это сервис.

Сервис — это стремление сделать жизнь человека удобнее и благоустроеннее.

Об одной из форм этой работы — службе по телефону — написал нам в письме инженер Всеволод Воронков. Он рассказал о работе Управления связи Симферополя, которое организовало не только общеизвестные телефонные услуги: вызов такси, справки о номерах, говорящие часы, но и службу погоды и даже последние известия. Оказывается, это вполне возможно. Как говорится, лишь бы люди захотели. В Симферополе рационализаторы АТС и радиокомитета захотели и сделали. Правда, пока кустарно, на самодельной технике. Но действует установка исправно. Мы, сидя в редакции газеты, преспокойно слушали последние известия.

Вот В. Воронков и спрашивает: нельзя ли подобное сделать в Москве и других городах страны? Может быть, стоит расширить подобную службу по телефону? В Чехословакии, например, детям по телефону рассказывают сказки. В Финляндии можно проверить правописание сложного слова. Что думает на этот счет Министерство связи СССР?

В Москве мы принесли письмо В. Воронкова в Управление местной телефонной сети и радиофикации министерства к его начальнику тов. Виноградову и главному инженеру тов. Гусеву.

Оказалось, что ответить на предложения автора письма не так-то просто. Прежде всего потому, что в этом направлении сегодня почти ничего не делается. Мне сказали примерно так: «У вас есть телефон?» «Есть», — говорю я. «Ну и радуйтесь, что есть. Нам бы пока всех желающих телефонами обеспечить, а не службой «сервис» заниматься».

Но ведь одно другому не мешает. Пришлось рассказать товарищам из министерства о делах связистов Симферополя — они этого не знали — и попросить поподробнее поделиться с нашими читателями сведениями о перспективах развития местной телефонной службы.

Вот тогда я и услышал о попытке несколько лет назад создать в Москве службу погоды. Дело было так. На номер Д 2-48-78 — один из телефонов метеослужбы — установили магнитофон с записью прогноза погоды на завтра. 20 человек одновременно могли его слушать. А в один из субботних дней позвонили одновременно тысячи людей. И, как говорят связисты, АТС оказалась блокированной. Только наберешь букву «Д»— и уже занято. Поняли, что так нельзя. Отключили номер. Но взамен ничего не сделали. И рассчитывают наладить дело года через 2—3. Долго. Очень долго придется ждать москвичам. Сейчас только один из институтов связи ведет разработку аппаратуры для службы погоды. А по поводу последних известий по телефону в справке министерства записано, что «этот вопрос никогда не рассматривался, так как, по мнению специалистов, является заведомо очень сложным и дорогостоящим в своем возможном решении, а при наличии радио, телевидения и газет — неактуальным».

Напрасно вы так думаете, товарищи. Решение сложно — в это можно поверить. Но эту сложность можно и нужно преодолеть во имя людей, их удобств.

Сейчас готовится переход всей московской телефонной сети на семизначную нумерацию. Это в 10 раз увеличит количество абонентов. Вот и самое время подумать о расширении службы по телефону. Да так, чтобы можно было, когда захочешь, услышать и спортивные новости, и прогноз погоды, да не только в Москве, но и в любой части страны; заказать билеты в кино и театры... Да мало ли что можно сделать по телефону для того, чтобы человеку стало удобнее, интереснее жить.

Это о Москве и других городах с многомиллионным населением. А в более мелких можно ведь начать и сегодня. Сумели же симферопольцы. Только им надо помочь технически. И тогда их опыт получит право широкой популяризации.

Подумайте об этом, руководители телефонной службы Министерства связи. И не откладывайте дела в долгий ящик.

Евг. СЕМЕНОВ

РАЗМЫШЛЕНИЯ ВО ВРЕМЯ СКУЧНОГО МАТЧА

Спорт

Когда матч протекает скучно, зрители начинают развлекать себя сами. Они разговаривают. Чем скучнее матч, тем больше разговоров на трибунах. В воскресенье во время матча сборной клубов страны и бразильской команды «Фламенго» разговоры почти не прекращались. Разговаривали сидевшие сзади меня, сидевшие рядом, и к ним то и дело присоединялись те, кто сидел внизу, и даже те, кто находился по другую сторону прохода. Много спорили. Много смеялись и шутили. Высказывали разные острые мысли и саркастические замечания по адресу Федерации футбола. Иногда увлечение разговором достигало такой степени, что минут пять никто не смотрел на поле.

А там, между прочим, играли футболисты нашей сборной и знаменитого бразильского клуба. Но смотреть на них было невыносимо.

Футбол — это такая область, где специалисты все сто тысяч, что присутствуют на матче, и еще несколько миллионов, которые слушают репортаж по радио. Каждый из этих нескольких миллионов с готовностью согласится немедленно стать тренером сборной: у него уже готов состав, имеются кое-какие тактические схемы и твердые принципы воспитания футболистов. Какие только планы не высказывались в воскресенье на Западной трибуне в *Лужниках*! Какие только рецепты не давались!

В том-то и заключается вся сложность футбола, что в нем все все понимают. Любой футболист, достигший тридцати пяти лет и прекративший выступления, может стать тренером сборной. Любой из ста тысяч зрителей может написать сносный спортивный отчет в газету.

После такой преамбулы как-то неловко говорить по существу. Впрочем, чем я хуже всех остальных, которые рассуждают так легко и отважно? У меня ведь тоже есть свой состав, свои схемы.

Вся эта буря футбольных разговоров вызвана слабыми выступлениями нашей сборной и неинтересным ходом первенства. За месяц игры москвичи почти не видели увлекательных матчей. Забить мяч в ворота стало невероятно трудно. Мне кажется, увлечение бразильской системой происходит у нас однобоко. Я не имею в виду расстановку игроков, что само по себе — лишь сугубо внешнее и приблизительное выражение бразильской схемы, и не имею в виду усиление обороны.

Я имею в виду однобокость в игре нападения. Мы шарахнулись в новую крайность: стремимся создавать линию нападения из острых «индивидуалистов», способных прорываться к воротам противника в одиночку, используя высокую технику. В матче с «Фламенго» в линии нападения выступали четыре крайних нападающих: Фадеев, Хусаинов, Численко и Метревели! Эти игроки очень сильны индивидуально, наиболее технично в своих командах и приносят там большую пользу, но, собранные вместе, они показали на редкость сумбурную и безрезультатную игру. Индивидуальности есть, а коллектива не чувствуется. Некоторое время назад дело обстояло наоборот.

В прошлом году в еженедельнике «Футбол» я написал статью об интеллектуальном футболе. Тогда многие приветствовали переход наших команд на новую, более прогрессивную бразильскую тактику, предполагающую высокую индивидуальную технику нападающих. Те слабости, которые замечались в нашем футболе в прошлом году, могли быть объяснены переходом на новую систему, но чем объяснить спад в новом сезоне?

Высокое индивидуальное мастерство предполагает как элемент глубокое понимание коллективной игры. Футболистов такого класса в нашем футболе всего, пожалуй, три человека: Лобановский, Месхи и Нетто. *Лобановский* играет в олимпийской команде. Месхи и Нетто — в национальной сборной. Причем Месхи частенько грешит индивидуализмом, и это снижает класс его игры. Когда все четыре нападающих и два полузащитника достигнут такого же высокого класса, как упомянутые трое, тогда не надо будет заботиться о создании коллективной игры, — она возникнет сама. Пока же забвение принципов коллективной игры приносит нам неудачи.

Интеллектуальный футбол, первые признаки которого мы радостно приветствовали в прошлом году, переживает трудности роста. Не надо впадать в уныние от срывов и неудач. Но надо помнить, что интеллектуальный футбол предполагает не только высокий интеллект игроков, но более высокий уровень тренеров. И еще несравненно более высокий уровень руководства футболом в стране. И, конечно, этот особый футбол предполагает высокий интеллектуальный уровень спортивных журналистов, пишущих о футболе, и, если хотите знать, интеллект сотен тысяч заполняющих трибуны.

Юрий ТРИФОНОВ

ГАЗЕТА И ЧИТАТЕЛЬ

«Литературная газета» провела встречу за «круглым столом» с львовскими писателями. Она была посвящена предстоящему Пленуму ЦК КПСС по идеологическим вопросам. Тема ее — участие писателей Львова в общественной, культурной и духовной жизни края.

За «круглым столом» нашей газеты выступили П. Козланюк, Р. Братунь, Ю. Мельничук, П. Ингульский, С. Шаховский, А. Шмигельский, Н. Романченко, Н. Далекий и другие.

(Отчет об этой встрече будет дан в одном из ближайших номеров «Литературной газеты»).

На Львовском телевидении состоялась встреча представителей «Литературной газеты» и группы львовских писателей с телезрителями западных областей Украины. Член редколлегии «Литературной газеты» Ю. Суровцев и корреспондент «Литературной газеты» К. Григорьев рассказали о планах работы редакции, свои новые произведения прочитали Р. Братунь, Г. Глазов, И. Сварник, В. Колодий.

ЛЬВОВ. (Наш корр.)

***

В Таллине состоялась читательская конференция «Литературной газеты», организованная нашей редакцией совместно с Союзом писателей Эстонии. Открыл конференцию писатель В. Веекман. Член редакционной коллегии «Литературной газеты» О. Прудков во вступительном слове говорил о задачах и планах газеты. Качеству переводов произведений братских литератур было посвящено выступление редактора журнала «Лооминг» А. Ваараиди: об освещении в газете проблем кинематографии национальных республик говорил главный редактор Таллинской киностудии А. Сварт. Ценные предложения и замечания в адрес «Литературной газеты» были высказаны также писателями В. Рушкисом, Л. Зайцевым, Р. Титовым, доктором технических наук, лауреатом Ленинской премии И. Хинтом и другими.

Активное участие в конференции приняли московские писатели — М. Алигер, Л. Ленч, Н. Михайлов.

Состоялись также устный выпуск «Литературной газеты» по Таллинскому телевидению, встречи с рабочими, воинами Советской Армии.

ТАЛЛИН. (Наш спец. корр.)

Будни партийно-государственного контроля

НАРОДНЫЙ

Евгений КУТУЗОВ

СОЛНЦЕ, поделенное на одинаковые квадраты оконными переплетами, ложилось на поблескивающий паркет. В длинном коридоре с многочисленными ответвлениями, безымянными переулками, было светло и уютно.

У одного из окон стоял мужчина. Когда я приблизился к нему, он тяжело отвалился от подоконника, на который опирался, и попросил:

— У вас, *прошу прощения*, не найдется спички?

Я дал ему коробок. Он стал прикуривать, но никак не мог зажечь спичку; было видно, что он нервничает. Возвращая мне спички, он, как-то горько и виновато усмехнувшись, спросил, кивнув на дверь:

— Сюда?

На двери значилось: «Комитет партийно-государственного контроля Ленинградского горкома КПСС и Ленгорисполкома».

— Да, — сказал я. — Уже началось?

Он сокрушенно махнул рукой и ничего не ответил. По его глазам я понял, что он сочувствует мне.

ЗА СТОЛОМ, накрытым традиционным зеленым сукном, сидят члены комитета. Вот старший вальцовщик сталепрокатного завода В. В. Иванов: рядом с ним — редактор газеты «Вечерний Ленинград» Б. А. Марков; слесарь Металлического завода И. И. Постников; партийный работник Е. Н. Зверева; председатель обкома профсоюза В. Н. Колесов... Словом, самое широкое представительство. И было жаль, что нет здесь «инженеров человеческих душ». А, думается, они должны быть, потому что их опыт, их знание человеческой психологии помогли бы в работе комитетов. Да и сами писатели почерпнули бы очень многое, ибо тут — сама жизнь. Жизнь с ее порой неожиданными и крутыми поворотами.

Я смотрю на членов комитета, тщательно, прямо-таки дотошно анализирующих каждую деталь, каждую «мелочь», и начинаю отчетливо понимать, что такую «стенку», выражаясь футбольной терминологией, не пройти. Тут не сыщешь лазейки. Ее нет.

Не так давно на заседании Комитета партийно-государственного контроля в Кировском районе обсуждали деятельность ТЭЦ-14. Там были вскрыты факты бесхозяйственности, государство несло большие убытки от штрафов, которые руководители ТЭЦ выплачивали с легким сердцем.

Директор ТЭЦ В. Тимофеев, недоумевая, сказал:

— Товарищи, чего вы от нас хотите?! Ведь мы план-то выполнили!

— Да, выполнили, — ответили ему. — Но какой ценой?! Во что государству обошлось это ваше выполнение?..

И в этой требовательности, думается, — яркая примета нашего времени. Она во все более хозяйском, ревностном отношении людей к делам государственным. Кто бы ты ни был, какой бы высокий пост ни занимал, знай: если провинишься, — тебя пригласят в комитет, и народные контролеры, рабочие, колхозники, спросят с тебя строго и нелицеприятно!

В этом смысле примечателен разговор с председателем городского Комитета партийно-государственного контроля Н. Поповым. Я спросил у него, кто помогает в работе штатному аппарату. Он ответил: — Народ! — И добавил: — Не зря же нас называют народным контролем. И, разумеется, никакой штатный аппарат не сможет сделать того, что уже сегодня, в пору нашего становления, делают общественники.

Делают они и впрямь немало. Взять хотя бы недавно созданное Бюро жалоб и предложений. Люди несут членам этого бюро и свои заявления, и свои жалобы, просто так приходят, чтобы поделиться наблюдениями, встревожившими и взволновавшими их. Бюро работает на общественных началах. И с первых шагов оно занялось проверкой некоторых городских и районных организаций, где формально относятся к письмам трудящихся.

Руководитель бюро И. Заворотный сказал:

— Эта проверка, которую мы начинаем с Ленжилуправления, носит, так сказать, чисто профилактический характер. Профилактика — одна из важных наших задач.

Вот в этом стремлении предупредить возможность бюрократизма — также отличительная черта новых органов контроля.

ПОМНИТСЯ, в Риге мне понадобилось побывать в Госконтроле. И я пошел. Но так и не смог попасть даже к рядовому инспектору. Мне посоветовали написать. И теперь, собираясь пойти на заседание комитета, я позвонил и справился, когда оно состоится.

— Сегодня, в четырнадцать часов, — ответили мне.

— Скажите, — спрашиваю, — к вам впустят с партбилетом? (Комитет в Смольном)

— Впустят и без партийного билета, — ответили мне. И несколько удивленно: — У нас вход свободный...

А ведь это важно, товарищи. Это очень важно, потому что бумажка никогда не заменит живого общения, разговора с человеком. В комитете стараются все решить без проволочек, на месте, с участием, как говорится, всех заинтересованных лиц. Тут не извернешься. Не солжешь. Не свалишь на Ивана и не кивнешь на Петра.

— А ну-ка, дорогой товарищ, встань и объясни!

И встанешь. И объяснишь. А куда же денешься? Вот на заседании «дает справку» представитель Министерства здравоохранения СССР. Он в довольно радужных тонах рассказывает о работе производственного предприятия Научно-исследовательского института вакцин и сывороток. Некоторыми ответственными работниками предприятия заинтересовались органы юстиции, а представитель поясняет, что «деятельность предприятия по итогам 1962 года признана удовлетворительной».

Член комитета Б. Марков задает вопрос:

— Очковтирательство, по-вашему, — это удовлетворительно?! Приписки и подлоги — удовлетворительно?! Скажите, а что в таком случае вы считаете неудовлетворительным?..

И нечего было сказать представителю. Нечего, потому что на столе перед членами комитета лежали документы, из которых явствовало, что в течение нескольких лет на предприятии вольготно и спокойно жилось любителям вкусно поесть и мягко поспать за чужой счет. А точнее — за государственный. И не последнюю роль, а быть может, и сольную играл в этой грязной истории директор предприятия кандидат наук З. Пейсель.

Да, ущерб, нанесенный государству, велик. И кое-кто, надо полагать, займет свое место на скамье подсудимых. Но главное даже не в этом.

Пейсель на заседании плакался:

— Я не знал. Я доверял. Я двадцать с лишним лет работаю. Я в прошлом году получил всего (!) 256 рублей премии...

— А *подписывая* приказы на незаконную выплату премий, — сказал Н. Попов, — вы не думали о том, что наносите ущерб государству и растлеваете души *людей*?

В этом главное. Ведь посмотрите только, что происходило: дважды партийное бюро института принимает решение снять директора с работы. И дважды партийное собрание отклоняло это решение! Вон куда зашло дело...

Это опасно. Опасно потому, что порой ловкачи и махинаторы покупают, буквально покупают и авторитет, и доверие. С трибуны они сладко журчат о долге, о чести. И кощунствуют, опошляют самое дорогое для человека слово — «коммунист». А кое-кто встает на их сторону. Одни — не понимая происходящего. Другие — опустив долу очи и протягивая руку за очередной рублевой подачкой...

Обращаясь к работникам института, к руководителям, Н. Попов подчеркивал:

— Учтите, товарищи, что теперь, когда мы сняли директора с работы, в коллективе могут начаться разговоры... Будут говорить, что вот, мол, был Пейсель — и премии получали, и зарабатывали хорошо. Сняли — не стало премий. Не думайте, что это только финансовые вопросы. Это очень важные идеологические вопросы! Подумайте об этом. Докажите людям, что они будут получать и премии, и высокую зарплату. Но только честным путем!

И именно в этом, в исправлении и очищении человеческих душ, пораженных червоточиной наживы и стяжательства, комитет видит одну из своих главнейших задач.

КОГДА после заседания я вышел из кабинета, тот мужчина, который просил спичку, опять стоял в коридоре.

Широкие окна Смольного попрежнему делили солнечный свет на квадраты, но мне показалось, что в лице, в глазах мужчины что-то изменилось.

Я уже кое-что знал об этом молодом человеке. Он занимает довольно ответственный пост. Дело его не из криминальных. Вышло так, что молодой инженер запутался в сложных производственных вопросах. Что называется, не «потянул». И пошел брак. Начались простои. Рабочие пожаловались. И вот тут, на заседании комитета, ему дали дельные советы. Помогли увидеть причины недостатков, понять, как работать дальше.

Я вспомнил, каким растерянным он был до заседания... А он, вдруг улыбнувшись, шагнул мне навстречу и опять попросил:

— Спички, прошу прощения, у вас не найдется?

И, прикурив, мягко и вдумчиво сказал:

— Шел сюда и думал: будут крыть! А меня научили, объяснили...

Хорошо все это. Что ж, и в этом — отличительная черта новых органов контроля: учить, помогать.

ЛЕНИНГРАД

СЕГОДНЯ — ДЕНЬ ПОГРАНИЧНИКА

Граница — это не только узкая полоска земли, обозначенная на карте непрерывной линией. Граница — это города, села, рабочие поселки, это поля и леса — граница рядом с людьми, которые живут и трудятся на советской земле. Вместе с дозорными несут они охрану Советской страны. Поэтому праздник пограничников — это наш общий праздник.

На границе, на яраю земли, в вечном дозоре те, ному страна доверяет охрану мирного труда своих граждан. Изо дня в день бдительно несут они свою нелегкую службу. «Граница на замке!» — это не только слова...

Этот снимок сделан на пограничном корабле. Матросы Виктор Анисимов и Владимир Королев зорко несут службу.

Новые стихи

Степан ЩИПАЧЕВ

Все запахи луговые вобрав,
попробуй заметить, черта какая
в звенящем мире нескошенных трав
июнь отделяет от мая.

На стежках-дорожках оставив следы,
не так ли и в мужество входит юность,
как май — в грозовые разряды июня,
как лето — в горячую пору страды?

***

Лето недолго длится:
глянешь —
ушло, отпылало в зарницах,
ушло, комбайнами отстучало,
синий дымок стеля по стерне.
Не потому ли его начало
каждой минутой дорого мне,
каждой минутой, каждой
блеснувшей каплею грозовой
и неутоленной жаждой
работы — атой воды живой.

***

Стояли хибарки — стоят корпуса,
блистая фасадами, сбросив леса.
Но так же опять
рев бульдозеров слышен.
Натружены краны... И глухо стучат
дожди и звезды по крышам
в прохладных августовских ночах.
Высокие окна распахнуты в небо.
Ракеты и спутники где-то летят...
Хибарки... Их много еще.
Но, подслепые,
они обреченно на мир глядят.

***

Потомки... Они будут только
по книгам
о войнах, о горе народном знать,
о нашем терпенье великом,
о людях, что шли и за них
умирать,
о свастике цепкой, паучьей,
вползающей в души с крикливых знамен,
о грязной корысти, о злобе живучей,
о славе кровавой забытых имен.
О, как им досадно будет, наверно,
что поздно родились, что
не могли
помочь нам очистить от скверны
людские сердца, красоту Земли.

ПИСЬМА О ВОСПИТАНИИ ЧУВСТВ

«Что читать о любви?»

Аркадий ВАКСБЕРГ

НЕДАВНО в Днепропетровске, в народном суде Октябрьского района, слушалось одно грязное дело. Судили аспиранта горного института. Я не называю фамилии этого аспиранта: его дело сейчас проверяется Верховным судом Украины, и не исключено, что приговор будет пересмотрен — возможно, чисто юридически он и вызывает сомнения.

Не это, однако, волнует. Волнуют факты, которые остаются теми же, *какое бы* юридическое толкование им ни дать.

И даже не факты — отношение к ним участников этой неприглядной истории, которые не чувствуют ни стыда, ни горечи, ни раскаяния, а только возмущение «несправедливостью» и «обидой».

Конечно, было бы куда приятнее рассказывать о другом — о благородных и честных людях, об их славных делах, об их чистых отношениях друг к другу, *то есть о тех, кого огромное* большинство, о том, что характеризует нашу повседневность. Но нельзя не заглянуть и в закоулки, нельзя не видеть изнанку жизни, потому что зло, с которым не борются, имеет привычку наглеть.

Итак, слушалось дело...

Картина этого преступления не требует подробного рассказа. Достаточно беглых штрихов.

Отдельная квартира. Случайные посетители, забредающие к хозяину «на огонек». Их число растет в геометрической прогрессии: каждый новый гость, побывавший в аспирантской обители, приводит за ручку других. Говорить им не о чем. Запас сальных анекдотов быстро иссякает. Начинаются оргии. И так каждый день...

Сначала я читаю уголовное дело, потом встречаюсь с некоторыми его героями. Среди них инженеры, студенты, рабочие, артисты. Вновь и вновь убеждаюсь в том, как наивно стремление судить о сущности человека по каким-то внешним приметам. Как часто приходится еще доказывать, что узкие брюки — не униформа тунеядца, кепка набекрень — не визитная карточка хулигана. Нет опознавательных знаков и у распутника.

Вот, к примеру, два молодых инженера — недавние выпускники Киевского политехнического института. С виду скромны, но начинаешь читать об их «приключениях» в свободное от работы время и хочется плюнуть.

Можно понять поведение человека, захваченного глубоким чувством, даже порывом, от которого никто не застрахован. Но невозможно оправдать деловитого, холодного, тупого скотства, потому что нет в нем ничего человеческого — только мерзость и грязь.

Что же толкает людей на столь дикое времяпрепровождение — опустошающее, бессмысленное, тоскливое, несмотря на всю его кажущуюся веселость, безрадостное, несмотря на мнимые удовольствия, которые оно будто бы сулит? Что это за темные силы, убивающие человеческое в человеке?

«В половой жизни проявляется не только данное природой, но и привнесенное культурой, будь оно возвышенно или низко». Над этими ленинскими словами надо думать и думать. Они помогают ответить на тревожные вопросы, которые неизбежно встают, когда знакомишься с историями, подобными той, днепропетровской, как ни редки они в нашей жизни.

Истинная культура проявляется в поведении, в отношении человека к другим людям, и особенно — в тщательно оберегаемой от постороннего взгляда заповедной области интимных отношений.

Говорю «заповедной», нисколько не иронизируя. В эту область и впрямь никому чужому лезть не пристало: есть вещи, которые касаются только двоих. Но этих двоих нужно заранее так подготовить, так воспитать, так научить, чтобы они всегда видели друг в друге человека, чтобы их связывало нечто большее, чем жажда наслаждений.

«Конечно, жажда требует удовлетворения. Но разве нормальный человек при нормальных условиях ляжет на улице в грязь и будет пить из лужи? Или даже из стакана, край которого захватан десятками губ?» Так говорил Ленин, подчеркнувший при этом, что он «меньше всего мрачный аскет», что «ничего не могло бы быть более ложного, чем начать проповедовать молодежи монашеский аскетизм».

ЕСТЬ наука, которой может и обязан овладеть каждый молодой человек с помощью всего арсенала наших воспитательных средств — от школы до литературы и искусства. Такая наука, которая учит уважать самого себя, учит беречь человеческое достоинство и, значит, учит основам истинного счастья. Ибо счастье невозможно без внимания, без интереса к духовной жизни человека, к которому пробуждается чувство любви. Нет этого интереса — появляется потребность в быстрой смене привязанностей, от которой рукой подать до самого обыкновенного разврата.

Говоря по правде, школа уходит от острых и тонких «вопросов пола», волнующих подростков, молодежь. А бывает и хуже, когда ханжеские нравоучения иного педагога калечат юную душу. Между тем, кто же, как не учитель, должен идти навстречу естественной потребности подростков разобраться в этих вопросах, воспитывать в них культуру чувств?

Ну, а искусство... В Днепропетровске я слышал по радио эстрадный концерт с участием двух ведущих. «Ты не знаешь, — спрашивал первый, — почему Зина пришла регистрироваться с пьяным женихом?» Второй ответствовал: «Так разве его трезвого в загс затащишь!» Или такой очаровательный диалог: «Что ты, милый, все поешь?» — «А чего же мне не петь, пока я холостой?» — «Ты женись, женись, вот тогда и запоешь».

Есть все-таки разница между шуткой и шутовством, между остроумием и зубоскальством. Среди тех, кто слушает эту махровую пошлость, — дети, молодежь. Шуточки оседают в памяти, накапливаются, подкрепляясь примерами обманутой любви, неудачных браков — примерами, которых все еще предостаточно и которые, конечно, сильнее бросаются в глаза, чем любовь счастливая, чем браки удачные. Так формируется искаженное, обывательское представление о любви, о семье, о женщине, о жене. Так возводится в добродетель лихое холостяцкое молодечество, умение жить в свое удовольствие, нисколько не заботясь о семье, о детях...

Я побывал во многих днепропетровских школах, говорил с учителями на разные «щекотливые» темы. Увы, разговор неизменно был коротким и не очень содержательным. Воспитание чувств? Конечно, это нужно, с этим все согласны. Но — без программ? Без методических разработок? Без министерских инструкций? Помилуй бог, как это возможно?!

Инструкция по воспитанию чувств!.. Это звучит пародийно. Неужто без *всяких* методик любой педагог не понимает, что он лепит человека, которому ничто человеческое не будет чуждо? И что, быть может, в его руках — счастье или несчастье этого пока еще мальчика в коротких штанишках, который станет мужчиной, мужем, отцом. Счастье или несчастье его будущей семьи, его детей.

Кто же научит ребенка таким отнюдь не устаревшим понятиям, как сдержанность, стыдливость, достоинство, честь — не только девичья, не только женская, но и просто человеческая честь, которую негоже втаптывать в грязь самому, негоже позволять и другим. Право, сии понятия не столь старомодны, как это пытаются изобразить иные безусые «теоретики» распутства; горько приходится потом тому, кто хотел навсегда избавить себя от знакомства с совестью, от ее придирчивого контроля.

Но совесть *тоже* воспитывается, процесс ее воспитания и долог, и сложен.

Читаю А. С. Макаренко: «Культура любовного переживания невозможна без тормозов, **организованных в детстве**. (Подчеркнуто мною. — **А. В.**) Половое воспитание и должно заключаться в воспитании того интимного уважения к вопросам пола, которое называется целомудрием. Умение владеть своим чувством, воображением, возникающими желаниями — это важнейшее умение, общественное значение которого недостаточно оценено».

Попробуй создать методику воспитания целомудрия — и получится наукообразная пошлость. А воспитывать нужно! Это тонкое, творческое дело, требующее и больших знаний, и глубокой внутренней убежденности, и психологической зоркости, и подлинной душевности, и завоеванного у детей авторитета. Но ведь без всего этого просто нет учителя.

Не случайно я стал говорить на эту тему именно с днепропетровскими учителями. Незадолго перед тем, как осудили аспиранта, в городе наделал шуму другой, пожалуй, еще более страшный процесс. Ответ перед судом держали пятнадцать парней 17—18 лет, совершивших тяжелое преступление против нравственности.

Я сейчас не о парнях — они наказаны, и наказаны сурово. Но можно себе представить, с какими «потерпевшими» встретился суд, если вынужден был вынести *частное определение об их поразительном цинизме*, дерзости, возмутительном поведении на процессе. А ведь все эти девочки учились в школе.

Или, может, и впрямь до этого нет дела педагогам, как пытался меня уверить Иван Никитович Марадуда, директор 61-й школы, старый, опытный воспитатель, который мог, однако, сказать мне такое: «Школа воспитывает вообще, а не в частности... Воспитывает в целом ученический коллектив, а не отдельного ученика. Наше слово для ученицы имеет куда меньшее значение, чем слово парня, подсевшего к ней на скамейке и выставившего ей угощение(?!)» О каких же специальных вопросах нравственного воспитания можно вести речь, если в этой школе воспитатель «теоретически» оправдывает равнодушие к судьбе отдельного ученика, беспомощность учителя перед силой «угощения на садовой скамейке»?

ВИДНО, дело не в одной этой школе. Я сказал уже, что суд вынес частное определение, в котором наглядно и убедительно показал последствия «педагогической запущенности» *некоторых подростков. Определение* было направлено в облоно. Затем трижды (!) суд напоминал о нем — хотелось знать, как же реагировало педагогическое начальство на этот тревожный сигнал. Ответа так и не дождались.

Меры, впрочем, приняты: несколько директоров школ получили взыскания. Теперь считается, что все в ажуре. Смешно и грустно...

А один из директоров — Николай Иванович Милькин — пошел на более радикальные меры. Он просто избавился от всех запятнавших честь его 126-й школы: кого *исключил*, кого перевел в вечернюю школу, кому порекомендовал переехать в другой город. И забыл о всей этой истории. Вот вам и воспитание чувств.

Впрочем, *так же поступили* и со взрослыми — с теми, кто был замешан в процессе злополучного аспиранта: почти все они были уволены с работы. Не говорю уж о формальной незаконности такой меры! Но и по существу: в интересах ли это дела, помогает ли борьбе за истинную, а *не* показную нравственность, чистоту — и отдельного человека, и коллектива? Разве административными мерами достигается это?

...На одном из молодежных вечеров, когда уже была закончена официальная программа писательских выступлений и прекратился поток записок, встала девушка, молчаливо сидевшая в первом ряду, и, глотнув воздуха, спросила на весь зал:

— Скажите, пожалуйста, а что вы посоветуете читать о любви?

Зал загудел, в президиуме стали совещаться.

— Энгельса... — сказал один из гостей. — Ленина...

Девушка посмотрела на него с укоризной:

— Нет, ну правда...

Неотрывно думая о любви, она все-таки не считала ее серьезным делом, достойным внимания *таких* людей. А Энгельс посвятил столь «несерьезному делу» много страниц своего знаменитого исследования о семье; о нем писал Маркс; в канун революции и в первые годы Советской власти Ленин находил время размышлять, спорить, писать о любви, тревожиться за тех молодых людей, которых подхлестывает «жажда разнообразия в наслаждениях», которые не понимают, что «самообладание, самодисциплина — не рабство», что «они необходимы и в любви».

С тех пор сменилось не одно поколение, многое изменилось, но эта проблема и сегодня волнует нынешних молодых, и сегодня не все из них находят правильные решения.

Надо помочь им найти их.

Только это не дело ретивых администраторов и постных ханжей. Это дело умных, добрых людей, обладающих страстью борцов, твердостью воспитателей, душевностью настоящих друзей.

Алим КЕШОКОВ

Ночная гроза

Благословляю облака над засухой,
И равнячают их мои глаза!
Есть облака с прохладою
за пазухой,
А у других за пазухой — гроза.
Люблю, когда
Они клубятся яростно,
Чтоб всходам напоившим
помочь,
Швыряя ядра по небесным
ярусам
И саблями распарывая почь.
И снова над полями и полями
Встает заря.
Уходят облака.
Покрытые вившими ранами,
Кровоточат их темные бока.

Всадник в красном башлыке

На востоке, а не где-то,
Появился вдалеке,
На границе тьмы и света
Всадник в красном башлыке.
На тропе у перелеска
Иль над речкою рябой
Темно-синяя черкеска
Станет светло-голубой.
Взнужден конь судьбой земною
И от века белогрив.
Быстро скачет он — вимою,
А весной — нетороплив.
— Друг, не спи,
Покуда снова,
Всадник, голову клоня,
Не сменил на вороного
Белогривого коня.
Был и скрылся, —
Помни это, —
Он поводья сжав в руке,
На границе тьмы и света —
Всадник в красном башлыке.

Перевел с кабардинского
Яков КОЗЛОВСКИЙ

Сегодня мы отмечаем 90-летие выдающейся советской писательницы Ольги Дмитриевны Форш, автора замечательных произведений — романов «Одеты камнем», «Современники», «Михайловский замок», «Первенцы свободы», трилогии о Радищеве, многочисленных рассказов и повестей. Она скончалась два года назад. С именем Ольги Форш связана целая эпоха в развитии советской литературы. Ведущей темой ее творчества была деятельность выдающихся представителей освободительного движения, их борьба за счастье народа.

Наша страна высоко чтит память Ольги Форш. Имя ее навсегда останется в истории советской литературы.

Об Ольге Форш рассказывает сегодня Виктор Шкловский.

НАШ СОВРЕМЕННИК

Виктор ШКЛОВСКИЙ

ОЛЬГЕ Дмитриевне сейчас было бы 90 лет. Печататься она начала в начале нашего столетия; перед этим работала учительницей рисования. Насколько я знаю, до учительства она кончила Смольный институт и была женой крупного военного.

Девичья фамилия ее Комарова. Отец ее был крупным военачальником.

Форш — это фамилия мужа Ольги Дмитриевны.

Ольга Дмитриевна еще до революции строила свою жизнь не так, как легче ее построить, а так, как она ее хотела строить: она строила жизнь заново, отрицая прошлое, но не отрекаясь от него.

В Ольге Дмитриевне была армянская и украинская кровь; украинский язык она знала хорошо, и способность к шутке по мере рассказа была у нее украинская. Рассказывала она замечательно и не просто передавала, что было прежде, а умела видеть то, что было прежде.

Первые рассказы Ольги Дмитриевны, как мне кажется, были написаны под влиянием Ремизова, превосходно владевшего языком и иронией.

Уже первые рассказы Ольги Форш реальнее, бытовее рассказов ее учителя.

МНОГИЕ из нас легко и поспешно стареют и засыхают.

В одном из первых своих рассказов Ольга Дмитриевна подробно описывала человека, который не хотел мыть стекла окон своей комнаты: ему казалось, что с немытыми стеклами легче воображать иную жизнь.

Рассказ назывался «Шелушея». Человек засыхает в своей комнате. Его больные мысли материализовались, живут рядом и вытесняют человека из жизни, переживают его.

Мне пришлось с Ольгой Дмитриевной познакомиться в Доме искусств в тогдашнем Петербурге в 1918—1919 гг. Старый дом, выходивший на четыре улицы, принадлежал до революции знаменитому фруктовщику, владельцу гастрономических магазинов Елисееву.

Ольга Дмитриевна описала этот дом в одном своем раннем романе «Сумасшедший корабль»; этот же дом Александр Грин описал в рассказе «Крысолов».

БУДУЩЕЕ стояло над городом крупным планом, было видно, как карта или как далекий берег.

Когда говорят слова «военный коммунизм», выделяют слово «военный», но коммунизма в том серебряном Петербурге было много.

Он жил не только надеждами, но и ступенями к будущему, уже становясь Ленинградом.

Ольга Дмитриевна была среди нас одной из самых старших и была со всеми по возрасту вровень. Она не торопилась стареть, торопилась работать, много писала, рисовала.

Со мной она была дружна; не сердилась на мой тогдашний чрезвычайно отрывистый стиль, отведывала его, по тогдашним ее словам, как сухое шампанское, но про меня самого говорила, что я похож на портрет «курносого фурсика», императора Павла, и на сосредоточенного и недоверчивого раба, изображенного в картине Иванова «Явление Христа народу».

Так написано в «Сумасшедшем корабле».

Надо было бы издать переписку Ольги Форш с Максимом Горьким: это значительные, веселые и печальные письма двух современников, понимающих друг друга.

Старый Петербург и старая Россия для многих из нас были вчерашним днем. Детство и юность заслонились войной и революцией. Для Ольги Форш дома и дворцы Петербурга были местами, в которых она раньше бывала, она знала, как люди ходили в них, она была весело-мудра и, казалось, жила в мире Николая Гоголя, Александра Иванова. Эти люди и были для нее главными современниками, но как будто освобожденными от тяжести лет, просветленными, хотя и трагичными.

Она читала и перечитывала Гоголя целиком, любовалась его прозой, статьями и среди мертвой шелухи «Выбранных мест из переписки с друзьями» видела блестки пробившегося все вдохновения, пожара, согревающего будущее. Она просветляла прошлое.

«Сумасшедший корабль» оторвался от прошлого, плыл в будущее. Это был корабль первооткрывателей, увы, мы не всегда умели пользоваться точными ленинскими картами.

ГОРОДА социализма тогда еще не строились.

Новое в городах надстраивалось над старым.

Ольга Дмитриевна жила в надстройке над домом, в котором когда-то жили певчие придворной капеллы.

Дом стоял над бывшим Екатерининским каналом, ныне каналом Грибоедова. Рядом старая улица называлась именем Софьи Перовской.

Софья Перовская душевно и социально близка Ольге Форш.

Когда меняется время, когда сменяется нравственность, лучшие люди, рожденные прошлым, уходят к новым людям, чтобы вместе с ними нести новые тяжести.

Дом, в котором когда-то торговали американскими швейными машинами, стал «Домом книги».

Церковь, поставленная на месте, где бомба настигла Александра II, теперь напоминает о гибели первомартовцев.

Дом на канале Грибоедова был домом новой жизни. Здесь Ольга Дмитриевна создала один из первых советских сценариев «Дворец и крепость»: это инсценировка ее романа «Одеты камнем». Это была очень хорошая, доходчивая народная лента, с презрительной, веселой и негодующей иронией, обращенной в прошлое. До сих пор помню несколько кадров из этой ленты, которую видел сорок лет тому назад.

Ольга Дмитриевна написала роман «Современники» про эпоху Гоголя, писала про старую Россию — про Радищева, ее история была современна. Она помогала народу переосмыслить прошлое.

Мы, наследники, на обломках прошлого ставим великие имена, как это завещал Пушкин.

Ничто не исчезает. Река времен умеет промывать породу для того, чтобы добыть из нее золото. Время Екатерины становится временем Радищева и Пугачева.

Ольга Дмитриевна долго не соглашалась стареть, все время работала. Возраст у нее был не паспортный. Она оставалась современницей в быстром развитии советской литературы.

Я помню высокий стан Ольги Дмитриевны, ее ясный голос, когда она как старейший писатель открывала Второй съезд писателей.

Последнее, что я читал из написанного Ольгой Дмитриевной, это описание могилы старухи — ее няни. Статья напечатана в «Правде» и полна бодрой печалью. Это было очень поэтично: как надо уметь жить, умирать, ничего не боясь, работая и не жалуясь ни на что.

Новым поколениям и современникам Ольга Дмитриевна оставила не только книги, она дала урок подвига.

Она показала, для чего надо всю жизнь изменяться, как надо в жизни учиться новому, все время расширяя границы своего таланта.

Она умерла в новом доме, поставленном перед Петропавловской крепостью.

Умерла в глубокой старости, не покинув места в строю.

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

УЧУСЬ У ТОВАРИЩЕЙ

столетия назад иронически писал Герцен («Письма из Франции и Италии»): «Теперь уже трудно и почти невозможно видеть Европу, но через несколько лет она совсем изгладится из памяти людской, для этого собственно и учреждаются железные дороги. Европа для путешественника превратится в несколько точек, освещенных фонарями, в несколько буфетов, украшенных рюмками».

Разумеется, Герцен шутил и вовсе не хотел сказать, что железные дороги — зло. А во что же сегодня превратился мир для пассажира реактивного самолета? Новые урбанистические видения далеко обогнали верхарновские. Бегущий неоновый свет, ракеты, лихорадочный пейзаж большого аэропорта, ракетная авиация, телевидение, которое совмещает тропики с Арктикой, кибернетические машины, будоражащие умы фантастов... Художник должен найти средства, которые выразят эту смену бегущих эмоций, эти фосфоресцирующие вспышки на экране мозга. Недаром Маяковский искал эстетический эквивалент этого явления и в ритмах своих стихов, и в их образной системе. Недаром поэт писал: «телеграммой лети, строфа», «наш бог бег» и т. п.

Недаром он говорил, что можно не писать о войне, но необходимо писать войной, то есть держа в уме состояние войны. То же можно сказать и об убыстрении исторического времени. Можно не прикасаться к самой теме, но можно в интонациях диалога, рисующих тревожную смену настроений (как это умел делать Хемингуэй), выразить новый темп жизни. На Западе наряду с всевозможными попытками создать «эстетику быстроты», так сказать, «ракетную эстетику», идет и противоположный процесс, который как раз апеллирует к пристальности и медленному чтению. Возникают своего рода фрейдистская аналитика, попытки «стенографической» записи потока сознания. Например, у Джойса или Пруста. Тогда говорят: не верьте бегу. Отбросьте эстетический спидометр или секундомер. Возьмите лупу. Медленно передвигая ее, изучайте ткань своей души.

В известном романе Марселя Пруста «В поисках за утраченным временем» автор почти не озабочен развитием сюжета. Сюжет едва течет. Марсель Пруст идет на поиски пропавшего времени, как верно писал А. Луначарский, «не для того, чтобы восстановить эпоху (эта задача для него второстепенная), а для того, чтобы с особенной глубиной и вкусом еще раз пережить свою жизнь, и при том, так сказать, вместе с читателем». Для него бытие — великолепная ткань субъективных жизней, заключенных в вечную и в общем стройную симфонию. В известном смысле, это и философия жизни, Бергсонианская философия.

Пруст не желает удержать ощущение быстротекущей изменчивости мира. Скорее наоборот. Он не мчит читателя через каменистые пороги жизни, где все бурлит, брызжет и захватывает дух. Нет, он вводит нас как бы в лагуну остановившегося бытия. Что это, эстетика медленности и пристальности? По форме, и только по форме, она совпадает с некоторыми приемами и советских писателей. Допустим, с отдельными приемами Федина в романе «Костер». Но целая пропасть лежит между художественным методом, который изображает жизнь в ее «существовательном» аспекте, и тем, который рисует жизнь во взаимосвязях и взаимодействиях человека и времени, то есть в соответствии с методом социалистического реализма.

На мой взгляд, экзистенциализм в известном смысле может назвать Пруста своим духовным предшественником. Ведь для него тоже характерен уход от истории. Причем «существовательное» изображение человека у Альбера Камю, например, более последовательно, нежели у философа и в некотором роде основоположника экзистенциализма Сартра. Недаром Камю столь враждебно отзывался о социалистическом реализме.

В повести Камю «Посторонний» Мерсо, герой романа, живущий в Алжире, — типичная «дрейфующая личность». Он случайно убивает. Его случайно судят. Он точка пересечения случайностей. Положение личности в обществе абсурдно. У Камю нет бергсонианского утонченного анализа, как у Пруста. Камю выглядит «реальней». Но, так же как и у Пруста, у него нет никакой попытки связать человека с историей.

Наша советская литература — художественная альтернатива, или пример противоположного подхода к действительности. Она не в поисках «утраченного времени», а взаимодействия времени и человека.

В этом плане наша литература тоже является своего рода философствованием о человеке и времени. На материале пооктябрьского периода, почерпнутом в самой жизни, она показывает, как формируются в человеке его представления о добре и зле, о дружбе, о познании действительности, о взаимоотношении личности и общества, о значении цели в жизни, о значении воли...

Мы недаром называем Горького основоположником социалистического реализма. Горький, действительно, удивительно умел развить эту русскую классическую традицию изучения человека на основе участия его в исторической социальной борьбе. Горький говорил, что наша русская литература сводилась к ответу на вопросы: «кто виноват?» и «что делать?» Оба вопроса — названия двух классических романов. Но, пожалуй, эти слова можно больше всего применить к самому Горькому, который был художественным исследователем русского бытия в самую переломную его эпоху. Вот почему Горькому было так интересно узнавать, что писатели уже советского поколения добавляют к этому исследованию.

Фадеев не просто «подхватил» нравственные поиски Л. Толстого, его мечту о прекрасном человеке. Своим Левинсоном Фадеев перевел нравственные устремления в другую плоскость, связал их с социальной борьбой. Чувство дружбы, поставленное в условия исторической необходимости совместной борьбы в революционном процессе, наполняется новым содержанием, преобразуется, так же как и взаимоотношения между отцом и сыном, матерью и дочерью. У Шолохова это хорошо показано еще в «Донских рассказах». В «Поднятой целине» дружба Давыдова и Нагульнова проходит сложные испытания, вызванные классовой борьбой, временем, — так же как дружба Алеши Маленького и Петра Суркова, героев романа Фадеева «Последний из удэге». И Фадеев, и Шолохов увидели новые черты в общечеловеческих чувствах, возникшие под действием истории, а не импульсов из подсознательной сферы (по Фрейду).

Поразительны превращения, происходящие у Алексея Толстого с характерами четырех главных героев его романа «Хождение по мукам»: Даши, Кати, Телегина и Рощина. Пожалуй, в этом романе, более чем в каком-либо другом произведении Алексея Толстого, раскрыт «механизм» вхождения истории в душу человека.

Если у западных писателей, опирающихся на фрейдистские или экзистенциалистские концепции (например, у Д. Лоуренса и особенно у А. Камю), человек оказывается вынутым, извлеченным из совокупности исторически воздействующих на него факторов, то у Алексея Толстого показана глубокая взаимосвязь человека и времени.

Леонов и Сейфуллина, Фурманов и Сельвинский, Олеша и Серафимович, Бабель и Погодин, Шагинян и Малышкин, Тихонов и Солженицын, — к произведению какого бы из этих писателей мы ни обратились, мы непременно найдем в нем и новооткрытое писателем в жизни, и нечто усвоенное им из прошлого опыта или продолженное на основе этого опыта. Советские писатели опирались в своих художественных поисках не только на опыт классиков. Они опирались и на опыт друг друга. Учились друг у друга, у товарищей. С каждым годом возрастает значение именно наших революционных традиций в советской литературе. И. Сельвинский создал образ рабочего Чохова в пьесе «Большой Кирилл» отнюдь не на голом месте. Эстетически этот образ был подготовлен опытом его товарищей. Товарищей, может быть, и весьма далеких ему по манере письма. Таких, как, например, Горький или даже Гладков.

Более того, мы учимся и на собственном опыте. И не только по принципу «на ошибках учатся». Константин Федин не случайно выступил на Втором съезде писателей с продуманной концепцией истории советской литературы. Во-первых, Федин больше других думал над трудом и дорогами своих товарищей и всей литературы (это видно хотя бы по его книге «Писатель, искусство, время»). Во-вторых, он сам, если угодно, — живая история советской литературы. Между романами «Города и годы» и «Костер» лежит длинный путь, отмеченный и ростом мировоззренческой зоркости, и художественными находками и открытиями. Не случайно Федин, уже накопив большой опыт, взялся за создание эпического полотна о переходе русской жизни от дореволюционных условий почти к нашим дням. Это смелая задача. Непросто решиться пойти по пути, по которому уже прошли многие писатели начиная с Горького (если говорить о дореволюционной России). Константин Федин, на мой взгляд, добавил очень важное и существенное к разработке образов двух коммунистов и тоже двух друзей (как у Шолохова и Фадеева) — Рагозина и Извекова. Он нарисовал этих героев в соответствии с ленинским представлением о типе революционера. Федин пишет о Рагозине: «Оправдывалось привычное рагозинское правило — решать все немедленно, но не торопиться».

Революционная наступательность, устремленность коммунизма к преобразованию мира в представлениях Ленина не носили абстрактного характера. Эти черты у Ленина сочетались с трезвой, реалистической оценкой исторической обстановки. Вот почему Ленин критиковал торопливость как проявление нереалистического подхода к действительности. Характерно, что К. Федин особо выделил эти черты в характере русского революционера.

Торопливость В. И. Ленин (в статье «Как организовать соревнование?») связывал с очень неприятными чертами — неряшливостью, неаккуратностью. С теми чертами русского характера, которые уходили корнями в обломовщину и свидетельствовали об отрыве от реальности, неумении оценивать обстановку. Поэтому, когда В. И. Ленин указывал на торопливость как на одну из отрицательных черт Сталина, это был очень серьезный упрек.

Федин в романе «Костер» вложил в уста своего героя Извекова следующее рассуждение: «Если, допустим, некий мир состоит из десяти условных единиц, то переустраивается сначала одна, а девять остальных ожидают очереди, проникаясь превосходством первой и стремясь к тому наилучшему, что в ней наглядно воплотилось».

Таков общий тезис — по-извековски — исторического развития. А вот точные слова того же Извекова о психологии торопливости, соблазне забежать вперед: «Путь примера, очевидно, неоспорим. Но в нем таится коварство, редко замечаемое теми, кому выпадает счастье пользоваться превосходством первой уже переустроенной единицы: они слишком поспешно и далеко уходят вперед от девяти других единиц, ожидающих своей очереди быть переустроенными».

Почему же Извеков не был тороплив? Почему не отрывался от действительности?

Федин дает весьма тонкий анализ мышления и восприятия Извекова. Он убедительно показывает, что коммунист Извеков был в высшей степени сложной натурой, и описывает его душевное состояние средствами, которые мог бы принять и аналитик Марсель Пруст.

«Извеков не только рассуждал, но все время испытывал как бы сопротивление чувств ходу мысли. Мысль исходила из того, что каким-то чудом уцелела нетронутой оболочка прошлого века, давно подлежащая замене оболочкой более совершенной, как того требует век настоящий. Но глаза, уши, дыхание Извекова не переставали впитывать собой тончайшую жизнь привольно разместившихся по улицам деревьев, журчанье воды по промоинам стоков, запахи орошенной дождем травы, холодок теней, кинутых домами на мостовую».

И сама манера повествования Константина Федина такова, что он как бы соединяет тончайшую жизнь, бытие, окружающее нас, с громадными масштабами исторических событий. Он заставляет удерживать в своем восприятии и то, и другое. По-разному можно было бы, например, изобразить бегство актрисы Улиной из Бреста, где ее застиг первый день войны, в Москву. Но Федин изображает все это путешествие так, что мы с героями романа как бы переживаем заново всю трагедию отступления. Ответ сердца всегда быстрый, ответ ума — медленный. И подобно тому как нагретый солнцем луг вечером отдает аромат своих цветов, так ароматом благородства и чистоты веет от любви Извекова и Улиной. Константин Федин принес на страницы своего романа, чтобы передать это нам, все то, что так ценил и любил Чехов: ясность ума, нравственную чистоту, благородство побуждений и какое-то застенчивое мужество. Все это он принес в литературу, прочно связав с идеалами коммунизма.

Литература — это сад Прекрасного. А красота объединяет. В литературе глубже ощущаешь связь времен и поколений. В заметках о литературе Д. Фурманова сохранились меткие записи о том, что характерно для всех модернистских школ, всех «измов», — глумление над прошлым, расчет на монополию, бахвальство, игра в величие, вычурность, оригинальничанье и т. п. Все это недолговечно. И, кроме того, во всем этом есть и грубость. Душевная. А нам сейчас так нужно совсем другое: чуткость, изящество духовной натуры. И вот эти черты принес Федин и соединил (в своем романе «Костер») с тем, что мы называем народностью.

Да, мы все, кто растит эти цветы в саду литературы, — тоже народ. Революционная решительность, глубина мысли и неторопливость ее — вот те черты, которые Ленин хотел видеть в каждом русском человеке. И это все, как и чуткость к прекрасному, должна воспитывать наша литература.

СЕГОДНЯ — ДЕНЬ ПОГРАНИЧНИКА

Отличная техника—в распоряжении пограничников. Она помогает вовремя настигнуть врагов на суше, в небе и на воде. Вертолет доставил пограничников к тому месту, где был обнаружен подозрительный след. Считанные секунды — и поисковая группа приступает к выполнению задания.

Фото Ю. Муравина

О них мы пишем впервые

ПОРА ВЗЛЕТАТЬ!

ПИСАТЬ рецензию о книге молодого поэта — очень ответственно. Рецензия должна быть лаконичной и ясной, как рапорт, предусмотрительной и точной, как боевое распоряжение. Но ни рапорта, ни боевого распоряжения не получилось. И как-то неожиданно, само собой написалось одно-единственное слово — «родничок»...

А ведь действительно стихи Дины Злобиной напоминают родник. Чистый и прозрачный язык, ясная и живая мысль, безыскусность и простота образов:

Переменившись, девушки гребут
Легким солнцем пересыпанное
сено.

А родничок становится ручейком. Он бежит дальше, и в нем отражаются уже не только облака и «притихшие деревья». В его песне — работа, цех, поосные рабочие парни, к которым «пристала хорошая слава, плотней, чем спецовка к вспотевшей спине».

Вы скажете, что и родник, и ручеек — это еще не река, что они малы. Ну что ж. Станет ли ручеек полноводной рекой или уйдет в песок — зависит от того, на какой почве он живет. У Дины Злобиной почва здоровая: любовь к Родине, к природе, к человеку. И я верю, что пока еще неширокий ручеек ее творчества рано или поздно станет рекой, пробьет свой путь к морю поэзии. В этом меня убеждают хотя бы такие строки:

Пятнадцать лет старуха ждет
солдата —
Он не убит!.. Убитый бы воскрес!

В такой, казалось бы, алогичности заключена и смелость поэтической мысли, и внутренняя логика — логика поэзии.

Дина Злобина. «Весны». Издательство «Молодая гвардия», 1962.

Меня радует, что поэтессу волнует и судьба простой девчонки («Валька»), и судьба родного искусства («Напиши мне такую картину...»). В ней жива классовая ненависть рабочего человека к бездельникам и тунеядцам («Я с работы иду по весне...»).

Но, несмотря на то, что в целом творчество молодой поэтессы мне нравится, я не могу пройти мимо и отдельных слабых стихотворений, и довольно частых случаев подражательности. Последнее меня тревожит больше всего. Во многих ее стихах ощущается сильное влияние С. Есенина:

Я давно уехала из дому
И все реже стала вспоминать,
Как в сарай ячменную солому
На зиму укладывает мать.

Не менее сильно влияние и М. Исаковского — особенно в стихах «Весной». «Смотрю на пальцы тонкие...», «Иду по берегу, иду...».

Самолет, прежде чем взлететь, должен пробежать по знакомой и испытанной взлетной полосе. Так и поэзия: перед взлетом некоторое время движется по проторенной уже другими дорожке. Это закономерно и даже в какой-то мере необходимо. Но пилоты знают, что нельзя затягивать разбег, нельзя трусливо держаться хоть и за милую, но сковывающую тебя землю. Надо верить в свои силы, надо брать «ручку на себя».

Взлетая, самолет отрывается от земли, но не порывает с ней. Он держит постоянную двустороннюю связь, и чем крепче эта связь, тем уверенней и надежней полет.

У вас хорошая связь с землей, Дина Злобина. Не бойтесь отрываться от привычной дорожки, мелькающей под ногами. Пора взлетать!

Юрий РАЗУМОВСКИЙ

Певучая струна

Недавно мне попалась маленькая книжка с портретом Лермонтова на сине-белой обложке... Автор ее — Али Керим, молодой азербайджанский поэт.

Его стихи — это стихи о нашем сегодня, о месте поэта в строю идущих, о том, что только тот день прожит поэтом до конца, который прожит на благо народа.

Али Керим, используя давние и почитаемые стихотворцами Востока парные и перекрестные рифмы, в то же время вырывается из привычного построения, обогащая его необычной опоясывающей, а часто и ломаной рифмой внутренней. Заметим кстати, что переводчик сборника Гарольд Регистан точно передал не только «ритмические ходы», но и своеобразную манеру азербайджанского поэта.

Следуя путями старшего поколения азербайджанских поэтов, Али Керим стремится к философскому обобщению увиденного.

По-своему решает поэт антивоенную тему. Его стихотворение «Лук», на мой взгляд, — одно из лучших в книге. Грубый, закоснелый в дикости пещерный человек поднял лук, — и запела смертельная стрела и, пронзив чью-то грудь, полетела из века в век.

И уже губительным металлом,
Сея смерть, несется вдаль стрела.
Стала миной и снарядом стала.
Пулей чье-то сердце обожгла.

Али Керим. «Третий всадник». Стихи и поэма. «Советский писатель». М. 1962.

Поэт призывает человечество преградить путь этой стреле.

Маленькая поэма «Повесть небесного человека» — это стихи о космонавте, попытка представить себя на его месте, перенести вместе с ним трудности и вдохновенный пафос полета в космическом пространстве.

Основное место в книге занимает поэма «Третий всадник» — поэма о Лермонтове. Поэт рассказывает о том, как Лермонтов — третий всадник — верхом путешествовал по землям Кавказа в сопровождении двух других — молодого черкеса и русского офицера, надменного, со стальным взглядом, явного представителя николаевской военщины. Да не обидятся на меня друзья, азербайджанские поэты, если замечу, что о Лермонтове никто из них до Али Керима так не писал, хотя великий поэт, будучи в кавказской ссылке, стал верным и добрым другом народа и литературы Азербайджана и, как свидетельствуют историки, стремился изучить азербайджанский язык с помощью самого М. Ф. Ахундова.

Местами поэма эта кажется чересчур описательной, особенно в той части, где говорится о пребывании Лермонтова в Тифлисе. Слишком пестрит она именами. Но и в поэме автор остается самим собой, с основным присущим ему качеством — доверчивой любовью к жизни, к человеческому гению и к добру...

Владимир СЕРГЕЕВ

Голубые ливни

Тот, кто когда-нибудь бывал в этих краях, поймет влюбленность липецкой поэтессы Майи Румянцевой в голубые ливни и пахнущую травами реку, в синеву неба и зелень родной земли, в жизнь, расцветающую на ней. Светло и празднично звучит ее песня о напряженном труде в страдную пору лета:

Сенокос, сенокос...
Даже ночью шум колес.
Кто-то в небо серп занес —
Начал звезд ночной покос.

. . . . . .

Сенокос, сенокос —
От зари до самых звезд...

В первой книжке стихов поэтессы воспета не только природа черноземной полосы. Сборник ее населен героями наших дней, тружениками-земляками. Их души, «как поле распаханы» и засеяны добрыми семенами. Оттого так много света и радостного удивления перед красотой человеческой в лирике Майи Румянцевой, работавшей агрономом, мелиоратором, журналистом...

В лирике Майи Румянцевой многое радует: и ее молодой задор, и восхищение перед большой красотой, и ненависть к мещанской самоуспокоенности («Я не против жизни меблированной. Я против жизни — обкраденной»), и горячее желание идти вперед, действовать, жить радостно, влюбленно, щедро («И сердце — в песнях до отказа...»), и любовь к настоящим, хорошим людям. Ее героиня повсюду находит верных и бескорыстных друзей, готовых поддержать в трудную минуту, разделить любую ношу. Такими мы видим «открывателей новых земель» — мелиораторов. Это веселые, неунывающие парни, беспокойный, кочующий народ, возвращающий бесплодной земле жизнь.

О, глаза у костра
и смешинки у рта.
С огоньком
да лукавой задоринкой...
Вслед за юностью ходит
костров маята,
Красота
бессонниц
диковинных...

Стихи Майи Румянцевой оставляют после себя радость приобщения к настоящим человеческим чувствам и большим порывам.

Б. КОЛЕСНИКОВ

Майя Румянцева. «Грузчица». Липецкое книжное издательство, 1962.

ИТОГИ КОНКУРСА НА ЛУЧШУЮ ХУДОЖЕСТВЕННУЮ КНИГУ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Министерство просвещения Российской Федерации проводило в 1961—1962 гг. двухгодичный конкурс на лучшую художественную книгу для детей школьного возраста на тему «ШКОЛА—ТРУД—КОММУНИЗМ».

Итоги конкурса за 1961 год были опубликованы в печати 16 мая 1962 года.

На днях жюри конкурса рассмотрело 166 произведений, представленных на конкурс 1962 года, и присудило премии и поощрительные вознаграждения:

З. ВОСКРЕСЕНСКОЙ за цикл рассказов «СКВОЗЬ ЛЕДЯНУЮ МГЛУ» — о жизни и революционной деятельности В. И. Ленина и Н. К. Крупской в годы первой русской революции и за повесть «ВСТРЕЧА» — о матери В. И. Ленина, Марии Александровне Ульяновой, В. РУШКИСУ за повесть «ПОКОРИТЕЛИ МЕТСАНЫГИ» — о жизни эстонских школьников, о воспитательном значении коллективного труда; В. МЕДВЕДЕВУ за повесть-сказку «ВАРАНКИН, БУДЬ ЧЕЛОВЕКОМ!», утверждающую мысль о высоком призвании человека на земле; В. ЖЕЛЕЗНИКОВУ за рассказы и повесть «ЧУДАК ИЗ ШЕСТОГО «Б» — о пионерских делах в школе, о коммунистическом воспитании; А. СОБОЛЕВУ за повесть «ГРОЗОВАЯ СТЕПЬ» — о мужественной борьбе коммунистов, комсомольцев и пионеров в годы коллективизации в сибирской деревне; В. КОЗЛОВУ за повесть «КОПЕЙКА» — о жизни школьников, о преодолении чувства эгоизма и стяжательства; А. МУСАТОВУ за повесть «ЗЕЛЕНЫЙ ШУМ» — о сельских школьниках, о труде в родном колхозе; Ю. ТОМИНУ за повесть «ВОРЬКА, Я И НЕВИДИМКА» — о школьной жизни в наши дни, о «событиях» и делах, способствующих духовному росту детей; С. АЛЕКСЕЕВУ за повесть «ВРАТИШКА» — о судьбе девочки и о ее друзьях, революционных моряках Балтийского флота; С. СОЛОВЕЙЧИКУ за публицистические очерки «КНИГА ПРО ТЕБЯ», поднимающие морально-этические проблемы.

В двухгодичном конкурсе приняли участие 316 человек: писатели, журналисты, педагоги работники народного хозяйства, культуры.

Отмеченные на конкурсе авторы, как опытные литераторы, так и впервые выступающие в детской литературе, создали интересные книги, помогающие семье и школе в воспитании молодого поколения в духе коммунистической морали и нравственности.

„СИНТЕЗ“ ИДЕОЛОГИЙ ИЛИ БОРЬБА?

1. Мифы и действительность

Затухает ли битва идей в век электронных машин и ядерной физики, мотороллеров и холодильников, транзисторов и «фольксвагенов»? Идет ли современный мир, в котором существуют различные социальные системы, к созданию «универсального индустриального общества» с единой культурой и идеологией? Дискуссия по этим вопросам развернулась во многих странах Запада.

Т. ТИМОФЕЕВ

КОГДА знакомишься с книгами и статьями иных западных авторов, посвященными коммунистической теории, современному этапу в развитии марксизма-ленинизма, бросается в глаза разительное противоречие.

С одной стороны, идеологи антикоммунизма не могут отрицать успехов стран социализма и громадной притягательной силы коммунистических идей для многомиллионных масс на всех континентах. Признавая серьезность «вызова коммунизма», американский профессор Альфред Мейер, известный на Западе «эксперт» по вопросам марксистско-ленинской идеологии, отмечает в своем сочинении «Коммунизм», что «сила мирового коммунизма растет, и он уверен в своей победе». Ему вторит западногерманский «специалист» по марксизму, доцент Тюбингенского университета Иринг Фетшер. На страницах книги «От Маркса к советской идеологии» он вынужден констатировать: «Современный марксизм-ленинизм — это самая влиятельная сейчас политическая идеология в мире».

Мало кто даже на Западе в состоянии оспаривать громадное значение для развития марксистско-ленинской теории решений XX, XXI и XXII съездов КПСС, принципиальной борьбы коммунистов с последствиями культа личности Сталина. Именно в период после XX съезда КПСС в СССР изданы ценные труды по общественным наукам, которые оказывают, по общему признанию, большое влияние на идеологическую жизнь не только в нашей стране, но и за ее пределами. Достижений в идеологической работе партии не могут игнорировать и противники коммунизма. Упоминая, в частности, о вышедших в СССР в последние годы новом учебнике «История КПСС», о книге «Основы марксизма-ленинизма», о новых работах советских философов и экономистов, И. Фетшер пишет, что эти книги «значительно превосходят по своему уровню работы, выходившие в сталинскую эру...»

Многие на Западе гораздо серьезнее, чем прежде, размышляют о природе социалистического строя, о перспективах его победы в соревновании с капитализмом. «За последние годы, — читаем мы в книге «Будущее коммунистического общества», изданной недавно группой авторов в США, — резко возрос интерес к потенциальным возможностям, заложенным в советской общественной формации».

Но это — с одной стороны. Сделав подобные вынужденные признания или полупризнания, антикоммунистические авторы тут же стараются исказить сущность важнейших процессов, происходящих в первой стране строящегося коммунизма и в других странах мирового социалистического содружества.

Одной из главных линий идеологической диверсии современного антикоммунизма в его борьбе против творческого марксизма-ленинизма стала проповедь фальшивых концепций «деидеологизации», «деполитизации» советского общества. Например, в сборнике «Будущее коммунистического общества» высказывается предположение: не может ли оказаться так, что в 1981 году «в России вообще не будет никакой идеологии» (?!).

В свое время противники марксизма-ленинизма, как известно, отрицали способность социалистического строя быстро развить производительные силы общества, обеспечить подъем экономики, расцвет науки, техники, культуры. Жизнь, однако, жестоко посмеялась над такими горе-пророками. Она заставила врагов коммунизма перестраивать свою «аргументацию», искать новые приемы борьбы с миром социализма. Теперь они уже вынуждены сквозь зубы признавать и большие возможности социалистического способа производства, и его эффективность, рациональность, и неоспоримый прогресс СССР в области науки и культуры, приведший советских людей к замечательным победам в космосе. Но сопровождается это неуклюжими попытками рассматривать достижения в области экономики, науки и техники в отрыве от развития советской идеологии.

Не случайно, конечно, кое-кто стремится искусственно отгородить, оторвать друг от друга эти связанные между собой, взаимно обусловленные явления. Признать их органическое единство, их неразрывную связь значило бы для противников коммунизма признать превосходство марксизма-ленинизма над буржуазной идеологией.

ВОЗНИКАЕТ вопрос: почему в последнее время противники ленинизма столь усиленно пытаются распространять миф о «деидеологизации» социалистического общества?

Прежде всего назойливая пропаганда этой легенды призвана принизить значение, ослабить воздействие идеологии марксизма-ленинизма. «Вакуума» в борьбе мировоззрений, как известно, не бывает: там, где уменьшается влияние идей одного класса, укрепляются позиции другой классовой идеологии. Для противников марксизма особенно важно было бы добиться ослабления влияния коммунистической идеологии как раз теперь, на решающем этапе соревнования двух систем.

Отсюда — все чаще раздающиеся из их стана призывы к «примирению» противоположных идеологий. Вот как «обосновывает» эту концепцию Альфред Мейер. Не скрывая, что он надеется на постепенную, как он выражается, «идеологическую эрозию коммунизма», американский профессор пишет: «...Общие проблемы, которые ставит перед всеми странами индустриализм XX века и его последствия, будут все более увеличиваться. Если им позволят развиваться без больших препятствий, то, возможно, коммунизм и капитализм постепенно перестанут бросать вызов друг другу. Возможно, одна из главных задач нашего века — установить современный Вестфальский мир, не проходя через кошмар современной Тридцатилетней войны».

Думается, однако, что профессор Мейер смешивает здесь разные вопросы. Да, коммунисты тоже не хотят кровопролитных войн — ни тридцатилетних, ни более кратковременных, тем более, что ныне, в век атома и ракет, новая мировая война принесла бы человечеству колоссальные, невиданные еще в истории жертвы и страдания. Но нельзя согласиться с теми, кто считает, будто установление прочного мира, торжество принципов мирного сосуществования двух систем невозможно без отказа каждой из них от своей идеологии. Пока на земле существуют антагонистические классы — буржуазия и рабочий класс, — неизбежна и борьба между ними. Марксисты-ленинцы выступают за то, чтобы вести ее не на полях военных сражений, а удержать в русле битвы идей и в сфере экономического соревнования двух систем. Однако перемещение центра тяжести международной классовой борьбы в область экономического и идейно-политического состязания не означает, что эта борьба «затухает», что коммунизм (как надеется Мейер) «перестанет бросать вызов» капитализму. Напротив, в условиях мирного сосуществования и соревнования двух систем этот «вызов» капитализму становится еще более сильным и эффективным.

Нелепо, конечно, приписывать коммунистам стремление вести споры со своими идеологическими противниками теми же методами, которые использовали, например, католики, расправляясь с инакомыслящими в XVII столетии, в эпоху Тридцатилетней войны, или в XVI веке, во времена Варфоломеевской ночи.

Коммунисты — за прочный мир, за мирные переговоры между государствами, но — против Вестфальского мира в области идеологии.

Если уж прибегать к историческим экскурсам, то следовало бы напомнить, что и тогда, в XVI—XVII веках, идеологические распри между католиками и протестантами отражали борьбу различных классовых сил (в основном между частью феодальной знати и определенными группами буржуазии); борьба эта выступала в религиозной оболочке. К тому же Вестфальский мир отнюдь не разрешил противоречий между ними, а способствовал усилению позиций одних за счет других.

Что же тогда говорить об идеологической борьбе между отживающим свой век последним эксплуататорским классом — буржуазией и его могильщиком, революционным пролетариатом? Никакое «примирение» в этой борьбе тем более невозможно!

Важной задачей идеологической борьбы марксистов-ленинцев в наши дни является глубокое и убедительное разоблачение утопии о «синтезе» идеологий — утопии «надклассовой» по форме, реакционно-буржуазной по своей направленности и существу.

ЦРУ действует: «Операция Трухильо»

В ПРИГОРОДЕ Вашингтона Лэнгли расположена штаб-квартира Центрального разведывательного управления США. Пропагандисты американского «образа жизни», любящие поражать воображение грандиозными цифрами, не без гордости сообщают, что здание этого центра американского всемирного шпионажа простирается с севера на юг не менее чем на 280 метров. Площадь служебных помещений достигает 100 тысяч квадратных метров. В бесчисленных кабинетах разместились тысячи сотрудников, среди которых есть и химики, и инженеры, и лингвисты, и специалисты по «мокрым делам», — кого здесь только нет. «ЦРУ, — по свидетельству члена английского парламента Р. Эдвардса, — содержит 40 тысяч сотрудников в центральном аппарате и пользуется услугами 100 тысяч шпионов в различных странах». ЦРУ обходится ежегодно американским налогоплательщикам в один миллиард долларов.

Шпионаж и диверсии против социалистических стран — главное, на чем специализируется ЦРУ. Главное, но не единственное. Армия агентов ЦРУ активно вмешивается во внутренние дела союзников Вашингтона, убирая неугодных политических деятелей и сажая на их место американских ставленников, собирая шпионские сведения и т. п. Особенно пристальное внимание ЦРУ уделяет Латинской Америке. О методах американской разведки дает представление история убийства доминиканского диктатора Трухильо, рассказанная недавно корреспондентом американского журнала «Нью рипаблик» Норманом Голлом. Операция по устранению Трухильо была проведена при активном участии ЦРУ.

Верный слуга Вашингтона Трухильо за тридцать один год своего диктаторства немало сделал для того, чтобы североамериканские монополии с максимальными удобствами могли грабить его страну. Если доминиканцы осмеливались выразить неодобрение налаженному порядку выкачки национальных богатств из страны, он твердой рукой их обуздывал. Никаких этих выдумок про суды и следствия Трухильо не признавал. Его жандармы попросту хватали за шиворот каждого неблагонадежного и бросали за решетку. Число жертв диктатора не учтено статистикой. Но доминиканский народ вел счет преступлениям Трухильо. Это была самая ненавистная фигура в стране, а может быть, и во всей Латинской Америке. Дело дошло до того, что участники конференции латиноамериканских стран в Сан-Хосе в 1960 году настояли на разрыве отношений с Доминиканской республикой и на применении к ней экономических санкций. Холуй явно перестарался в своем рвении.

В Вашингтоне поняли, что дальнейшая нежная дружба с Трухильо принесет США больше вреда, чем пользы. Что делает любящий хозяин, когда его верный пес состарится? Усыпляет его. Это деликатное дело было поручено команде агентов ЦРУ: американскому консулу в Доминиканской республике Генри Дирборну, сотруднику консульства, занимавшемуся политическими вопросами, Джону Барфилду и американскому торговцу Лоренсо Берри, которому принадлежит крупный продовольственный магазин без продавцов в фешенебельном предместье доминиканской столицы, где находится президентский дворец.

Дирборн и Барфилд установили связь с некоторыми высокопоставленными офицерами доминиканской армии, недовольными Трухильо, а Берри (кличка «Уимпи») стал главным посредником в организации поставок оружия для заговорщиков. Оружие доставлялось в разобранном виде в безобидной упаковке вместе с банками консервов и джема для магазина без продавцов. Заговорщики ждали удобного случая. Он представился 30 мая 1961 года, когда Трухильо отправился за город в поместье «Ла Фундасион» на свидание со своей двадцатилетней любовницей. На пустынном шоссе автомобилю, в котором находился Трухильо, преградили путь два грузовика с вооруженными людьми. В диктатора было произведено 27 выстрелов...

В момент убийства Трухильо у берегов Доминиканской республики находились 40 кораблей американского военно-морского флота. На всякий случай: вдруг доминиканцы возьмут и взбунтуются, воспользовавшись убийством диктатора, и создадут какую-нибудь неподходящую для Вашингтона власть в стране.

Когда операция была успешно завершена, ЦРУ организовало спешную эвакуацию Дирборна, Барфилда и Берри из Доминиканской республики. Позже Дирборн стал консулом в Колумбии, Барфилд сначала оказался в Италии, а затем в Вашингтоне, где занимает важный пост в дипломатическом ведомстве — помощника Эдвина Мартина — помощника государственного секретаря по межамериканским делам. А Берри вернулся в свой роскошный магазин в Санто-Доминго, где по-прежнему вежливо улыбается покупателям...

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ БРАТСКИХ СТРАН

БЕРЛИН

В течение трех дней, 23—25 мая, в Берлине проходила конференция Союза немецких писателей.

Конференцию открыла Анна Зегерс. Доклад «Работа Союза немецких писателей в период развернутого строительства социализма» сделал профессор Ганс Кох.

Выступившие в прениях писатели говорили об ответственности мастеров слова перед народом, о задачах писателей создавать реалистические произведения, отражающие картину становления нового человека.

Социалистический реализм, заявила в своем выступлении Анна Зегерс, — это единственный возможный творческий метод писателя в наше время, если этот писатель хочет показывать жизнь во всем ее многообразии.

ЦК СЕПГ направил в адрес конференции писателей подписанное Вальтером Ульбрихтом приветственное послание.

Конференция, избравшая новое правление союза и принявшая новый устав, продемонстрировала дальнейшее укрепление единства творческих работников ГДР.

ПЕКИН

Здесь состоялась вторая (расширенная) сессия национального комитета Ассоциации работников литературы и искусства Китая третьего созыва.

Большое внимание сессия уделила вопросам дальнейшего усиления фронта литературы и искусства, повышению их боевой роли, а также подытожила успехи, которых добились китайские творческие работники за последние два с лишним года.

Эти успехи проявились в том, что тематика, жанры, формы и стиль произведений стали еще более разнообразными. В литературе, драматургии, в киноискусстве и изобразительном искусстве, в музыке появилось немало замечательных произведений — высокоидейных и художественно ярких. «Эти произведения, — как было отмечено на сессии, — отражают дух новой эпохи, воспитывают и вдохновляют широкие массы и поэтому пользуются большой популярностью среди них». Положение в литературе и искусстве «в целом является животворным и здоровым».

Выступивший перед участниками сессии премьер Государственного Совета КНР тов. Чжоу Энь-лай призвал творческих работников быть подлинно революционными борцами, занимать твердую пролетарскую позицию, вдохновляться высокими революционными идеалами.

ПРАГА

Закончил работу III съезд чехословацких писателей. С докладом «Современный человек и литература» на съезде выступил первый секретарь Союза чехословацких писателей Иван Скала.

«Представление о социалистическом писателе, — сказал И. Скала, — для нас связано с представлением о писателе-гражданине, преисполненном стремления вторгаться в жизнь». Призыв партии и писателям полнее отображать жизнь, критиковать отрицательные явления отнюдь не означает ослабление партийности литературы. «Напротив, партия выступает за более глубокую партийность во имя великих целей социалистического общества. Именно с этой точки зрения чехословацкие писатели рассматривают важное выступление товарища Н. С. Хрущева на встрече с деятелями искусства и литературы».

Аугуст ЯКОБСОН

Советская литература понесла тяжелую утрату. На 59-м году жизни, после продолжительной болезни, умер выдающийся советский драматург и прозаик, народный писатель Эстонской ССР Аугуст Михкелевич Якобсон.

Аугуст Якобсон родился в 1904 году в г. Пярну, в рабочей семье. В детстве узнал нужду и тяжелый труд. Учебу в пярнуской гимназии и Тартуском университете он совмещал с работой по найму.

В литературу он вошел в 1927 году с романом «Пригород бедных грешников», в котором беспощадно и ярко изобразил неприглядную картину жизни городской бедноты в буржуазной Эстонии. Роман сразу снискал признание, и А. Якобсон становится одним из известнейших писателей Эстонии 30-х годов.

Он написал и издал десятки томов романов и сборников рассказов, многие из которых переведены на русский язык и языки братских народов.

Большое влияние на развитие мировоззрения писателя и идейное направление его творчества оказало общение с деятелями рабочего движения и коммунистами Эстонии в конце 30-х годов.

С первых дней установления Советской власти в Эстонии он с большой радостью и энергией включается в строительство новой, социалистической жизни. В 1941 году избирается депутатом в Верховный Совет СССР, а в 1950 году Председателем Президиума Верховного Совета Эстонской ССР.

В годы Великой Отечественной войны А. Якобсон, вступив в ряды КПСС, проводит большую пропагандистскую работу в эстонских частях Советской Армии.

Вместе с тем его талант проявляет себя с новой стороны, А. Якобсон становится одним из ведущих драматургов Советского Союза. Две его пьесы — «Жизнь в цитадели» и «Борьба без линии фронта» были отмечены Государственными премиями, а такие пьесы, как «Два лагеря» и «Шакалы», обошли многие театры в Советском Союзе и за рубежом.

В своих пьесах Аугуст Якобсон проявил себя как страстный борец за идеалы коммунизма, как убежденный противник сосуществования в области идеологии. Особенно близка была ему тема борьбы за мир. Ей он посвятил одну из лучших своих пьес — «На грани ночи и дня».

За выдающуюся общественную и литературную деятельность А. Якобсон награжден двумя орденами Ленина и двумя орденами Трудового Красного Знамени.

Творчество Аугуста Якобсона оставило глубокий след в эстонской литературе. Светлая память о выдающемся советском писателе долго будет жить в сердцах миллионов читателей нашей страны.

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР;
ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ЭСТОНСКОЙ ССР

Жизнь, отданная подвигу

Умер Аугуст Якобсон.

Творческое развитие этого замечательного писателя глубоко поучительно. По мере того как упорный, страстный и отзывчивый Аугуст все крепче включается в борьбу за народную социалистическую Эстонию, мастерство его необыкновенно быстро растет, характеры героев крупнеют. В таких драматических произведениях, как «Борьба без линии фронта», «Два лагеря», «Жизнь в цитадели», «На грани ночи и дня», «Шакалы», мы узнаем Аугуста Якобсона уже одним из ярких и воинствующих представителей социалистического реализма.

Художник ни разу не изменил себе. Ни разу не пошел на ходкую легкость мелкотемья. Будучи уже прикованным болезнью к постели, упорный и честный драматург до последнего дня жизни оставался борцом, мыслителем и поэтом своего народа.

Русский поклон тебе, дорогой Аугуст! Ты прекрасно прожил свою жизнь!

Дм. ЗОРИН

Гневный талант

Не стало Аугуста Якобсона. Хотя он долго, тяжело болел, но смерть его кажется всем нам трагической неожиданностью.

Более тридцати лет назад Якобсон, тогда еще юноша, не вошел, а ворвался в литературу, преодолев барьер смертельного недуга (совмещая учебу с работой в порту, он надорвался и заболел туберкулезом), безысходности и отчаяния. Ему помог гневный протест против судьбы, против «грубой, нищей жизни» вокруг него. Эту жизнь он изобразил в своем первом романе о «бедных грешниках» рабочей окраины, романе, который сразу принес ему известность.

Позднее, уже в дни Советской Эстонии, многомиллионный читатель и зритель хорошо узнали Якобсона-драматурга. Тот же страстный протест против мещанства, против капиталистического мира, его идеологии, его «шакалов», против поджигателей войны всех мастей звучал всегда в его пьесах.

«Огненно-жаркий день» — так назвал Якобсон один из сборников своих рассказов, написанных в советский период. Вся жизнь самого писателя в годы его зрелости, в годы строительства новой Эстонии была таким «огненно-жарким днем», заполненным трудом. На каком бы он ни был посту — председателя правления Союза писателей Эстонии или председателя Президиума Верховного Совета Эстонской ССР, — этот человек никогда не расставался с пишущей машинкой. А когда недуг пригвождал его к постели, он все-таки продолжал работать.

Большую потерю понесла эстонская и вся советская литература, потеряв это горячее сердце.

Все лучшее, что создано Аугустом Якобсоном, бережно сохранит народ.

Лидия ТООМ

В Торки, у О'Кейси

В нашей памяти живы образы великих стариков, мужественных духом, до преклонного возраста сохраняющих бодрость и чувство юмора, несмотря на болезнь, полных творческого горения. Это — Бернард Шоу и Анатоль Франс, Иван Павлов, Уильям Дюбуа. По праву, к современникам, отмеченным теми же замечательными чертами, можно причислить друга Советской страны, всемирно известного ирландского писателя Шона О'Кейси, коммуниста и борца, чьи талантливые произведения широко известны советским писателям.

Мы получили от Шона О'Кейси письмо в ответ на просьбу редакции прислать статью для первомайского номера «Литературной газеты». «Дорогие друзья,— пишет он.— Привет вам. Мне очень жаль, что я должен разочаровать вас и не смогу сейчас написать для вас статью. Я уже не могу ни читать, ни писать. Мне приходится печатать на машинке наугад. И диктовать я не могу потому, что я по нескольку раз обдумываю каждую фразу, привык перечитывать написанное и править в процессе работы. Мне очень хотелось бы написать для вашего первомайского номера, и я прошу простить меня, что не в состоянии сделать этого».

Шон О'Кейси все же продолжает работать. Он пишет, что в США выходит сборник его писем, и, по просьбе издательства, он составляет комментарии и пояснения к ним.

Недавно в Торки (Девоншир) у Шона О'Кейси и его жены Эйлин побывал американский публицист Брукс Аткинсон. Мы публикуем очерк Аткинсона о Шоне О'Кейси.

ЕСЛИ БЫ предаваться унынию было в характере Шона О'Кейси, поводов для уныния он имел бы больше чем достаточно.

О'Кейси худ и немощен. 83-летний старец, он совершенно ослеп на один глаз и очень плохо видит другим. Болезнь позвоночника вынуждает его проводить большую часть времени, лежа на тахте в кабинете.

Но ничто не может сломить силу духа и неистребимый юмор этого неукротимого ирландского писателя, который вместе со своей женой Эйлин обретается в квартирке на третьем этаже дома, стоящего высоко на пригорке в одном из пригородов Торки.

У писателя оживленный, веселый вид. Чтобы уберечься от зимних сквозняков, он носит расшитую ермолку, в которой немного смахивает на раввина, и красный домашний халат, делающий его слегка похожим на несколько легкомысленного епископа. Вообще же фигура О'Кейси, на ощупь перебирающегося через комнату, производит странное, но очень славное впечатление. Попыхивая прокуренной трубкой, источающей крепкий аромат табака «Эринмор», он дружески поглядывает на вас через очки в металлической оправе своим единственным еще немного видящим глазом. Похоже на то, что этот человек наслаждается жизнью, которую он так глубоко знает и по своему собственному жизненному опыту, и благодаря изучению истории, религии, искусства, театра и литературы.

В новом сборнике очерков, который выйдет в свет под заглавием «Под пестрой тюбетейкой», Шон О'Кейси подвергнет критике то, что он называет мрачным взглядом на жизнь У. Х. Одена*. «Я никогда не считал жизнь бесцельной, — заметил О'Кейси. — Правда, на моем веку мне пришлось хлебнуть немало горя, но ведь это неотъемлемая часть жизни! Кроме того, я увлекался борьбой, участвуя во многих схватках». Рукопись новой книги Шона О'Кейси только что прошла через осторожные руки юрисконсульта издательства, который проштудировал ее и предложил смягчить некоторые рискованные высказывания. О'Кейси с сожалением говорит, что ему пришлось согласиться с одним таким замечанием, где речь шла о резкой реплике в очерке, посвященном Кеннету Тайнену, театральному рецензенту еженедельника «Обсервер».

Вот уже несколько лет подряд Тайнен пренебрежительно отзывается о некоторых произведениях О'Кейси и допускает при этом фактические ошибки. Но не таков О'Кейси, чтобы оставаться у кого-нибудь в долгу! «Господин Тайнен, — писал он, — имеет весьма дурное обыкновение плевать выше собственного носа». Шону О'Кейси было жаль поступиться полюбившейся ему фразой. Но он не хочет подводить своих издателей, которые вот уже почти сорок лет издают его. «Кажется, я начинаю смягчаться»,— заметил он с лукавой улыбкой.

Из-за того, что у него очень ослабло зрение, Шону О'Кейси все труднее становится писать. Эйлин («Да благословит ее господь!» — повторяет он) помогает ему как только может. Для того чтобы не сбиться, писателю приходится держать работу сантиметрах в десяти от глаза, которым он еще немного видит. Если его что-нибудь отвлечет от работы, у него уходит 10—15 минут на поиски места, где он остановился. Сейчас Шон О'Кейси работает над киносценарием, написанным английским драматургом Джоном Уайтингом на материале первых трех томов автобиографии О'Кейси: «Я стучусь в дверь», «Картины в прихожей» и «Прощай, Ирландия». Фильм будет называться «Молодой Кэссиди».

Шона О'Кейси огорчает то, что в текст киносценария не включена разговорная речь героев подлинника. Из профессионального уважения к творчеству другого писателя он не хочет вносить самовольные изменения в текст Уайтинга. Но старательными каракулями почти полностью ослепшего человека он медленно вписывает в текст некоторые диалоги из своих книг.

Поскольку Шон О'Кейси участвовал во многих схватках и доблестно вел борьбу, широкой публике он известен как задиристый, воинственный человек. Но, в сущности, это скромный, сердечный человек с доброй и веселой душой. Его всегда удивляет, когда люди обижаются на его неожиданные выходки. Несколько лет назад архиепископ римской католической церкви в Дублине нанес, по убеждению Шона О'Кейси, оскорбление Джойсу и ему самому, отказавшись отслужить обещанную мессу на театральном фестивале, где должны были ставиться их пьесы. В сердцах О'Кейси запретил играть свои пьесы на подмостках профессиональных театров Ирландии. Вот уже несколько лет как их ставят там только на любительской сцене. Но хотя старая обида все еще жива, Шон О'Кейси не считает свой запрет абсолютным и, возможно, сделает исключение для Дублинского театрального фестиваля, который состоится нынешней осенью.

Несмотря на преклонный возраст и многочисленные недуги, Шон О'Кейси бодр и жизнерадостен, сохраняет юмор. И зимой зелена трава в Торки, а люди продолжают возделывать свои огороды. Пусть О'Кейси больше не может увидеть зеленого дятла, который прилетает на старое дерево в саду у дома, где он живет,— зато он может слушать, как дятел стучит по дереву, как кричит по вечерам серая сова.

«Зеленая ворона», как он сам окрестил себя, сохраняет бодрость духа. Пусть голос его тих — зато в нем много энергии.

* У. Х. Оден — современный английский поэт.

ОПАСНЫЙ СГОВОР

Трехдневная сессия Совета НАТО в Оттаве вновь подтвердила стремление его заправил продолжать гонку вооружений. Решению о создании так называемых межсоюзнических ядерных сил НАТО — наглядное тому свидетельство.

США продолжают давление на своих партнеров, добиваясь дальнейших шагов в расширении ядерных сил, которые находились бы на службе у американцев. Обозреватель газеты «Дейли мейл» Стивенсон Пью пишет, что фактический контроль над этим оружием в НАТО будет принадлежать США и Западной Германии. Естественно поэтому, что больше всего довольны на Рейне. Генералы бундесвера торжествуют: они значительно приблизились к осуществлению своих давних замыслов.

«Моя химина в Нанаде»

Рисунок художника Камба из французской газеты «Юманите»

Главный редактор А. ЧАКОВСКИЙ.

Редакционная коллегия: Ю. БАРАБАШ (зам. главного редактора), Б. ГАЛАНОВ, Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, А. МАКАРОВ, Г. МАРКОВ, В. МЕДВЕДЕВ, Е. ОСЕТРОВ, О. ПРУДКОВ, Г. РАДОВ, Р. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, С. РОСТОЦКИЙ, Я. СМЕЛЯКОВ, Ю. СУРОВЦЕВ, А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора).

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, отделы: русской литературы — Б 8-99-33, искусств — В 1-11-69, литератур народов СССР — В 8-59-17, внутренней жизни — К 4 06 05, международной жизни — К 4-03-48, зарубежной литературы и искусства — К 4-84-28, информации — К 4-08-69, писем — В 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

ИНДЕКС 50067

Б—01283